

ЭЛЬ БЛАНК

A woman with long, wavy, dark hair is the central figure, wearing a shimmering, gold, strapless gown with intricate detailing on the bodice. She holds a black microphone to her mouth as if singing. To her left, a man with short, light brown hair and a beard is seated on a dark leather chair. He is wearing a dark grey suit, a white shirt, and a dark tie. The background is a grand, dimly lit room with high ceilings, arched windows, and ornate chandeliers with lit candles. A grand piano is visible on the right side of the frame, with sheet music resting on its stand. The overall atmosphere is elegant and dramatic.

АТРИОНКА
СЕРДЦЕ ХАМЕЛЕОНА

Эль Бланк
Атрионка. Сердце хамелеона
Серия «Внеземные расы», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43182670

Аннотация

Так уж вышло, что мой отец – атрион, мама – человек, а я меняю облик, становясь то тем, то другим. Вот только признаваться в этом не стану. Зачем мне идти на поводу чужого мнения и строить судьбу так, как ее видят другие? Тем более скучно ограничивать себя миром лишь одной планеты. Я сама могу найти свое место в жизни! А это значит... Рискнуть. Сбежать из дома. Сохранить тайну. Проявить все свои таланты. Блистать на сцене. Объединить два мира. Обрести личное счастье.

С последним сложнее всего. Землянин или атрион? Кого выберет мое сердце?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	78
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Эль Бланк

Атрионка. Сердце хамелеона

*Хранить, дразнить, грозить, сломить,
Спешишь, творить, дарить, платить,
Просить, шутить, корить, смутить,
Ценить, учить, дружить, любить...
Все это значит – просто жить!¹*

Пролог

Соло для атрионки

В комнате царила темнота. Хоть глаза выколи. Теплый, насыщенный влагой поток воздуха медленно опускался на плечи, лаская кожу и окутывая запахами, ставшими с недавнего времени привычными. Я втягивала его носом, глубоко вдыхая и улавливая успокаивающий аромат дома, но кислорода все равно категорически не хватало. Я задыхалась.

– Рия-Ла, может, свет все-таки включить? – разлился во мраке заботливый приятный мужской голос.

– Нет! – в панике взвизгнула я. – Не смей. Еще не все!

– Третий час «не все», – теперь в интонациях слышался укор. – Сколько можно?..

– Столько, сколько нужно! – отрезала я, ощупывая себя.

Ладони скользнули по влажной, покрытой капельками пота коже на груди и шее. Поднялись выше, пропустили через пальцы путающиеся пряди длинных шелковистых волос. Не да...

– Давай я тебе купальню приготовлю, – заискивающе мягко проворковал голос. – Ты расслабишься. Успокоишься. Наверняка просто перенервничала, потому и не получается...

– Готовь.

Ощупывая руками пространство перед собой, я сделала короткий шаг к гигиеническому модулю. То есть туда, где он, по моим предположениям, должен был находиться. Второй шаг, третий...

– Левее, – тут же получила подсказку.

– А ну гаси инфракрасный спектр! Не подсматривай! – возмутилась я, выправляя траекторию.

Ладони коснулись упругой гладкой поверхности, которая тут же послушно развернулась, позволяя в нее залезть.

– Не могу, – нравоучительно отозвался голос. – Я на службе...

Приглушив последние слова, складка модуля сомкнулась над моей головой, а тело погрузилось в вязкую очищающую

массу. Действительно расслабляющую, если настрой соответствующий. Однако у меня он был совсем иной. Переживательный! И нежные, ласкающие касания стенок купальни я практически не воспринимала. В моей голове все перекрывала собой только одна мысль – должен же мой организм вспомнить, кто он есть на самом деле, и вернуть себе нормальный облик!

В какой-то момент мне показалось, что это наконец произошло, и я настолько обрадовалась, что, не дожидаясь сушики, решительно раздвинула эластичные створки, выбираясь наружу. Вот только первое, что ощутила, попав в темное пространство, – все те же запахи.

– Два-восемь, зеркало и свет, – обреченно вздохнула, прикрывая глаза рукой.

Несколько секунд так и стояла, не отваживаясь посмотреть. А когда все же это сделала...

Грудь необычно сильно выделяется, кожа розовато-бежевая, губы красные, какие-то полные и подвижные. Мои привычные серые радужки превратились в зеленые, зрачки теперь круглые, ресницы укоротились. Брови, как и волосы, остались черными, но первые так и норовят уползти куда-то на лоб, а вторые расслоились, став очень тонкими и волнистыми. Их теперь так много!

Катастрофа...

Пошатнулась, отступила. Упав спиной на релаксирующий гель, сложила руки на груди и закрыла глаза. Лучше бы я

сегодня не просыпалась. И вообще глупо было думать, что если я изменений не вижу, то они и не проявятся в полной мере.

– Вчера ты не так сильно изменилась. И вернулось все обратно быстрее, – сопровождал мое падение задумчивый голос диспетчера. – Ты ничего на ночь подозрительного не пила? – продолжил, потому что я молчала. – Тебя никто не кусал?

Застонав, я перевернулась на живот.

– Какая разница, что и как в меня попало? – буркнула в гель. – Это ненормально! Я атрионка, а не человек! И не хочу жить с таким... таким...

Приподнялась, рассматривая ровную кожу на руке. Без чешуек, с какими-то короткими волосками, которые еще и вздыбились, когда волна прохладного воздуха прошла надо мной, остужая разгоряченный организм. А кожа вовсе неприятно натянулась и покрылась мелкими пупырышками. Жуть.

– Может, это все же временное явление, – снова попытался меня утешить два-восемь. – Возраст у тебя переходный.

– У Ал-Рифа он тоже когда-то был переходный! – парировала я. – Но брат-то не изменился! Что-то не видела я, чтобы он в таком облике разгуливал.

На этот раз промолчал диспетчер, а я, подперев голову кулачком, тоскливо уставилась на плавные изгибы фиолетово-красной стены.

За что мне такое «счастье»? Ладно бы я родилась землян-

кой, хоть не так обидно было бы. Но сто лет прожить совершенно нормальной атрионкой, а потом вдруг начать меняться... Это же безобразие!

– Рия! – настолько неожиданно позвал обеспокоенный женский голос, что у меня сердечко едва из груди не выскочило.

Я судорожно дернулась, подпрыгивая на волнообразно закачавшейся поверхности, сообразив, что не услышала, как открывается проем.

– Мама... – растерянно пискнула, впиваясь глазами в невысокую фигурку с куда более выраженными, нежели у атрионов, изгибами тела, – обтягивающая ткань бледно-зеленого домашнего платья лишь сильнее это подчеркивала.

– Дочурка, ты чего спишь так долго? – Родительница определенно изумилась тому, где именно я провожу столько времени.

Подошла ближе, присмотрелась, нахмурилась и потрянула головой, рассыпав по плечам копну черных кудряшек, в точности таких, как сейчас у меня.

– Не собралась, не поела... Ты забыла, что тебя сегодня Ита-Ял ждет? Ну-ка, давай поднимайся, одевайся – и на выход. Бегом, бегом!

Она присела, протягивая руку, чтобы помочь мне выбраться из геля.

– Мам, я...

– Разговоры потом! – Договорить она мне так и не дала,

запахнув между складками модуля. – В столовой!

Фффух... Выдохнула, вдохнула. Обошлось.

Почему мама не заметила во мне перемен, я догадалась сразу. Она хоть и единственная на Атрионе землянка, но из-за постоянного контакта с моим отцом у нее очень сильно изменилось восприятие. В общем, кажемся мы ей такими же людьми, как и она сама. Тогда мама смеется и называет нас «галлюциногенными». Не постоянно, конечно. Иногда воспринимает такими, какие есть. Но сейчас она точно приняла меня за эту... за галлюцинацию.

Впрочем, облегчение вновь сменилось беспокойством, едва я ощутила, как плотно прижалась ко мне складка, выделяя жидкую ткань и облепляя ею тело.

Полученная отсрочка – временная. Проблема никуда не исчезла. Как я другим атрионам в таком виде покажусь? К маме все привыкли, и вообще у нее уже папа есть! А я? Кому я вот такая нужна буду?

Вылезая из модуля, оптимизма я не испытывала. До тех пор, пока свою руку не увидела. Зеленую! С чешуйками! Ой...

Метнулась к зеркалу, которое два-восемь так и не убрал, и вскрикнула от счастья. Нормальная! Я – нормальная! Ура!

В радостной эйфории крутанулась вокруг своей оси. Густые тяжелые волосы, ставшие прежними и теперь отливающие черным перламутром, взметнулись и тут же упали, ощутимо ударив по щекам.

Прижала к ним ладони, не в силах оторвать взгляда от лица, и скомандовала:

– Два-восемь, свет погаси... Свечусь нормально?

Хоть и видела, как разгорелись флуоресцентные пятнышки, все равно не удержалась от вопроса.

– Уровень ниже среднего, – определил диспетчер. – Видимо, на трансформацию много энергии потратила.

– Похоже, – согласилась я с ним, потому что обычно одной световой ванны мне на три-четыре дня с лихвой хватает, а я только вчера ее принимала. Если изменения продолжатся, придется делать это чаще.

От подобной мысли меня передернуло. Нет уж! Пусть на этом все и закончится! Сбойнул организм и пришел в норму. Все.

Вышла из комнаты и поняла, насколько же голодна. В столовую ноги меня несли определенно быстрее, нежели обычно. И тем не менее, заметив тусклый цвет стены в одном из коридоров, я задержалась, чтобы сообщить:

– Шесть-четыре, в секторе проблема с подачей питательного субстрата.

– Принято. Корректирую, – среагировал диспетчер.

Я же, погладив упругую пульсирующую поверхность, начавшую наливать сочной желтизной, поспешила дальше.

Свой дом я люблю, и хоть я не майнер и не фидер, слежу за ним так же, как и остальные. Ведь «Дизар» нас защищает, кормит, одевает. Он за нами убирает, по планете движется

и даже в космосе летать может! Если с ним что-то случится – семья распадется, и тогда каждому из нас придется искать себе другой дом и новую семью, которая его примет. Никому не хочется подобных перспектив. Тем более что у нас семья отличная! И очень большая!

Пробираясь между складками-сиденьями, среди множества разноцветных голов, виднеющихся над спинками, я отыскиваю тех, кто меня ждет. Маму. Отца. Ал-Рифа... Брат наверняка с родителями. Он, как и все остальные, предпочитает совместные трапезы. Есть в одиночестве не так приятно.

– Все в порядке? – Первым на мое появление среагировал папа, протягивая приготовленный для меня мусс.

– Да. – Кивнув, я села рядом и забрала из его рук высокий стакан с розовым напитком. Мой любимый! И лишь втянув в рот густую кисло-сладкую, слегка вязущую жидкость, спохватилась, осознав, сколько в вопросе было тревоги и внимания. – А что?

Ну как вдруг я за это время опять изменилась и сама не заметила? На всякий случай бросила взгляд на свои запястья, однако ничего необычного не увидела. Впрочем, вчера, например, кожа свой цвет еще не меняла, только волосы расслоились. А позавчера вообще лишь новые ощущения появились, которые мама называет «запахи». Так что от моего тела теперь чего угодно можно ожидать.

– Ты напряжена. – Серые глаза внимательно всматривались в мои, нервируя все сильнее.

– Точно, – встрял братик, сидящий напротив. Закинув ногу на ногу, он неторопливо потягивал синюю гадость, которую я не выносила совершенно. – Фонишь волнением похлеще мамино «кофе».

Подобное сравнение в нашей семье стало классикой. Когда-то давно, когда папа и мама только-только познакомились, именно благодаря этому земному напитку выяснилось, что люди наши эмоции воспринимают как запахи, а мы, соответственно, наоборот.

– Она просто взрослеет, – спасла меня родительница, избавив от необходимости признаваться в произошедшем. – Ты в ее возрасте тоже стабильностью эмоций не отличался. Забыл уже?

Я встрепенулась, наострила ушки и все остальные рецепторы, мгновенно уловив разлившееся вокруг брата смятение. Он скрывал, а я не в курсе?!

– Конечно, забыл. Это сто лет назад было, – отмазался Ал. Вернул стакан на стойку и поднялся.

Темно-синий комбинезон натянулся, плотно обтягивая его высокую фигуру. Едва заметно качнулись волосы, тяжелые, длиной почти до плеч, такие же черные, как у папы. Они с Алом вообще внешне очень похожи, а вот предназначения у них совсем разные. Наш отец – гайд, а Ал-Риф – майнер. Впрочем, это лишь облегчает взаимодействие, потому что между ними нет конкуренции.

– Я в диспетчерскую, – объяснил свою поспешность

брат. – Сегодня мое дежурство.

– В пятом-третьем? – уточнила мама, на время даже прекратив жевать.

– Как обычно.

Ответ ее определенно успокоил, потому что брови, сошедшиеся к переносице, вернулись обратно, а губы растянулись, став тоньше. Я уже давно научилась читать ее эмоции по искажениям на лице, которые назывались «мимика». Хотя, признаюсь, поначалу делать это было необычайно сложно. Особенно когда вокруг нее разливалась практически паника, а на лице было явственно написано удовольствие. Мне, как и остальным, пришлось привыкать к тому, что это не она, а ее еда фонит эмоциями. Зная это, мама старается есть то, что для нас безэмоционально.

Вот сейчас, например, смотрю я на «сырники», похожие на желтоватые толстые лепешки, которые мама крошет специальным прибором, именуемым «вилка», и ничего от них не чувствую. Зато с интересом присматриваюсь к белым выростам во рту, предназначенным для измельчения пищи. Любопытно, а у меня почему они не появились? Не успели, потому что трансформация идет по нарастающей? То есть завтра появятся? Ой-ой! О чем я только думаю? Лучше не надо! Зачем мне эти жесткие штуки во рту, если мусс и без того прекрасно проглатывается, а пробовать мамины продукты мне как-то не хочется?!

– Дочка, да что с тобой? – тут же почувствовал мое волне-

ние папа. – Тебя беспокоит, какое решение примет Ита-Ял?

Предположение он сделал логичное. Пусть и не совсем верное, но меня более чем устраивающее. К тому же действительно Ита в нашей семье – самый опытный экзот, и от ее мнения зависит моя будущая специализация. Тут реально есть причины для того, чтобы понервничать.

– Или ты из-за брата расстроилась? – спохватилась мама, снова прекращая есть. – Он не хотел тебя обидеть. Просто высказался резко, не сдержался. Знаешь ведь, что у него с девушкой не ладится.

– Я все сразу, – на всякий случай приняла оба варианта. Чтоб с гарантией. Брату я сочувствую: он никак не может найти себе пару. Вроде есть потенциальная невеста, а отношения с мертвой точки не сдвигаются – даром что Ал-Риф в ее секторе диспетчером работает, то есть взаимодействуют они практически постоянно. Так что, раз уж мама предлагает это использовать в качестве оправдания, спорить не буду. – Я пойду, ладно?

Чмокнула отца в губы, привычно передав ему льер и забрав тот, что предназначался мне. Помахала маме. Уже на выходе из столовой не удержалась и оглянулась. Очень уж приятно было видеть, как родители целуются. Мне не мешало наслаждаться этим зрелищем даже то, что они совсем разные: на фоне мягких переливов желто-оранжевых стен и бордово-красных натеков потолка сине-зеленый оттенок кожи отца смотрелся гармонично, а вот мамин светло-беже-

вый определенно вносил дисбаланс. И все равно в этот момент они были такие милые...

Опять же кто-нибудь другой, знающий, что земляне льер не вырабатывают, вряд ли посчитал бы это нормальным. Возможно, даже выразил бы моему отцу сочувствие: он-то контактного вещества не получает, только отдает. Но папа маму очень любит, и потому ему достаточно такого одностороннего «обмена».

Кстати, мама называет льер иначе – шеклак. И утверждает, что у нее именно от него возникают галлюцинации. Не знаю... Видимо, это только у людей такой побочный эффект проявляется, потому что, когда мне от отца или брата льер достается, я обычно просто испытываю симпатию и доверие. Ну либо позитивный настрой и уверенность в том, что все у меня получится, – это когда папа решает, что мне такая поддержка необходима. Вот как сейчас.

Свалившаяся проблема кажется мне куда менее значительной. Ну меняюсь, и что с того? Обратно же возвращаюсь! И вообще, как сказал два-восемь, может, это временное! Побалуется мой организм и надоест ему. И будет все как прежде.

К тому же мое предназначение для меня куда важнее! Я хочу наконец получить рекомендацию и начать специализироваться. У меня хорошо развиты умения, которыми владеют экзоты, но нельзя расплываться на все сразу, нужно сосредоточиться на чем-то одном. Тогда и результат будет самым

лучшим!

По коридорам я петляла в воодушевленном предвкушении, растущем по мере того, как довольно скучные, однообразные переливы стен жилой зоны менялись на более эффектные, складывающиеся в причудливые узоры и картины развлекательной части дома.

У входа в главный зал я на несколько мгновений замерла, сосредотачиваясь, и коснулась чувствительного участка стены, раскрывающего проем. И уже не раздумывая шагнула в полумрак, расцвеченный световыми всполохами, манящими своей загадочностью.

Атмосфера здесь всегда вдохновляющая. Насыщенная, эмоционально яркая, притягивающая. Здесь проходят все семейные праздники, здесь принимают гостей из других домов, наконец, здесь просто отдыхают, когда хотят расслабиться и получить удовольствие. То есть отдыхают гайды, майнеры и фидеры. А экзоты работают! Потому что это наша задача – обеспечивать семью развлечениями! И стараться, чтобы каждый мог найти для себя подходящее. То, которое ему больше всего понравится и принесет психологический комфорт.

– Рия-Ла! – Громкое восклицание эхом отразилось от стен, которые, несмотря на свою визуальную мягкость, обладали крайне высоким отражающим эффектом.

Ита-Ял, стоящая на небольшом возвышении в центре, махнула мне рукой, а я даже на расстоянии почувствова-

ла идущую от нее волну искренней радости и заботы. Она мне хоть и не кровная родственница, но на «Дизаре» живет так же долго, как и мой папа. По-моему, они одновременно в семью пришли, и их приняли. Это лет триста назад было. Потому у Иты и опыт огромный, не прислушаться к ее мнению будет очень глупо.

– Ну что, попробуем определиться?

Едва я оказалась рядом, Ита-Ял ласково подтолкнула меня к центру сцены. Сама же, придерживая длинную объемную юбку, спустилась вниз и удобно расположилась на одной из складок-сидений.

Следующие три часа я старательно демонстрировала ей все то, на что способен экзот. Стихи читала. Пела. Сама себе аккомпанировала. Танцевала, теперь уже под музыку, которую наигрывала Ита-Ял. Рисовала. Меняла эмоциональный фон на строго определенный, что, надо признаться, у меня всегда плохо получалось. Ну не могла я фонить радостью, если не испытывала ее по-настоящему. А ведь многим экзотам именно это удается лучше всего.

– Тебе определенно голос дальше развивать нужно, – подытожила Ита, когда я выдохлась и уселась на краю сцены. – Очень чистый звук, красивые модуляции, хороший диапазон. Эмоциональный фон на него накладывается изумительно. В этом у тебя отличные перспективы, поверь мне.

Верю. Потому что чувствую, насколько она искренна в том, что говорит. И вообще, мне петь очень нравится. Я

буду делать это с огромным удовольствием.

– Значит, начну заниматься с Май-Лу и Ти-Ярком, – решила и обратилась к диспетчеру: – Три-один, совмести наши режимы суточной активности. И делай запросы для домов, с которыми мы будем встречаться.

– Расписание согласовано. Первая встреча – завтра, во второй фазе после пробуждения, – практически сразу откликнулся женский голос. – Ближайший дом, «Иррар», в десяти днях пути от «Дизара». Сообщение отправлено.

– Правильно, – похвалила меня Ита, взбивая поникшую ткань юбки. – Чем больше практики, тем лучше. Рада была помочь. Ты придешь на представление? Сегодня я показываю новые танцы.

– С удовольствием! – обрадовалась я и не удержалась от комплимента: – Надеюсь, мне место достанется. Очень уж много поклонников твоего таланта.

– Уверена, ты тоже станешь востребованной. И буду с нетерпением ждать твоего публичного сольного дебюта.

Соло... Для экзота это большое достижение – групповые и даже парные выступления намного проще. И отнюдь не быстрое – мне лет пятьдесят, до совершеннолетия придется набираться опыта. Надеюсь, к этому времени мой организм перестанет сбивать, я не превращусь окончательно в человека и это будет соло для атрионки, а не для землянки!

Глава 1

Партитура

«Первое, что я усвоила, общаясь с теми, чей опыт стал основой моей певческой карьеры, – это необходимость поймать ту самую точку ритма, с которой начнется все».

(Из личного дневника Риш-Ла ВерДер)

– Рия, ты мою расческу не видела?

Вскочив и спрятав за спину компрометирующий меня предмет, я замерла, старательно удерживая на лице беспечное выражение.

– Нет. А она тут была? – поинтересовалась, не сводя глаз с мамы, которая столь же быстро, как и появилась в моей комнате, теперь двигалась по ней, разыскивая пропажу.

– Не уверена. Убей не помню, где оставила. Утром вроде причесывалась в своей комнате, но там ее нет. Подумала, может, случайно с собой захватила и к тебе принесла... Черт, да куда ж я ее дела-то?!

Помянув мистическое земное полуживотное-получеловечка, мама всплеснула руками, окинула взглядом поверхности, на которых пропавший предмет теоретически мог лежать, и исчезла в коридоре.

Вздыхнув, я опустила на сиденье и рассеянно провела

щеткой по путающимся кудряшкам.

Вот ведь! Чуть не попалась. Сразу бы посыпались вопросы, зачем мне понадобился абсолютно бесполезный для атрионов предмет. И оправдание типа «интересно» вряд ли могло бы – я его однажды уже использовала. Пришлось бы признаваться в умении трансформироваться. А я к этому пока не готова. То есть не вижу необходимости кого-либо ставить в известность. Во-первых, не хочется панику и ажиотаж разводить вокруг своей уникальной персоны. Нечего родным попусту волноваться. А во-вторых, я сама разобралась, как ухаживать за земным обликом. Не так уж это и сложно. Жаль только, что нужных приспособлений у меня нет, приходится втихую таскать мамини.

Эх, ну надо же было ей именно сейчас спохватиться и приняться за поиски. Зачем, спрашивается? Она же сегодня уже причесывалась! Неужели до завтра не потерпеть?

Теперь эксперимент с укладкой волос в прическу придется отложить. Надо становиться атрионкой и помогать искать пропажу. Без меня мама ее точно не найдет.

Закрыла глаза, сосредотачиваясь. Встряхнула головой, ощущая, как тяжелеют и укорачиваются прядки. Провела языком по деснам, которые привычно заныли, когда в них втянулись зубы. Ну вот и все. На выход. Это поначалу я не могла контролировать процесс превращения. Пока трансформация не стала полной. А теперь проблем никаких.

– Ой! Где? – принимая из моих рук расческу, изумилась

родительница и оттолкнулась от стола, за который успела сесть.

– У меня. – Врать в глобальных масштабах я не стала, лишь слегка сдукала: – Между складками лежала. Свалилась, видимо. Ты становишься рассеянной.

– Так ведь причина у меня уважительная, – заулыбалась мама, положив ладонь на живот. – И она пока еще не слишком сильно на меня влияет. Скоро куда больше побочных эффектов проявится.

– Каких? – Я оперлась бедром на край столешницы, которая тут же стала мягкой, чтобы не доставлять мне дискомфорта.

– Вкусовые пристрастия изменятся. Земную пищу уже не смогу воспринимать и на особый мусс перейду, который твоя тетя Дая готовит. А еще весь шеклак, который я получаю от твоего папы, начнет в ребенка уходить. Тогда я перестану видеть вас людьми. – Мама тяжело вздохнула, проглаживая пальцами гладкую ручку расчески.

– А сейчас ты меня видишь человеком? – полюбопытствовала я и, получив согласный кивок, не удержалась от вопроса: – И какая я? Красивая?

– Очень! – ответ последовал моментально.

Впрочем, мама – она и есть мама. Ее мнение определенно можно считать предвзятым. Для любого родителя его ребенок всегда самый лучший, даже если на деле все обстоит иначе. Однако понимание этого не умерило моего любопыт-

ства.

– Ты жалеешь, что я родилась другой?

– Вот уж нет. – Родительница и на этот раз не раздумывала. И даже объяснила, доказывая, насколько объективна в своих суждениях: – Поначалу, когда Ал-Риф подрастал, я действительно переживала, а потом поняла, что так лучше. И правильнее. Для вас жить на Атрионе в телах, которые для этого не приспособлены, было бы настоящим мучением. А с меня и иллюзии хватит. Тем более такой приятной!

Она снова ласково на меня посмотрела и протянула руку, чтобы коснуться волос и погладить по голове. Я знала, что у нее меняется лишь визуальное восприятие и запахи, которые трансформируются в мимику, а все тактильные ощущения остаются прежними. И теперь тихо радовалась тому, что облик вернула свой обычный, а не пришла сюда в земном. Впрочем, опасение кого-нибудь встретить ненароком в коридоре тоже сыграло не последнюю роль.

Мама же, то ли прислушиваясь к своим ощущениям, то ли просто о чем-то задумавшись, закрыла глаза, продолжая оглаживать толстые прядки. И говорить:

– Каждый сам выбирает себе место в этом мире. Занимает его, исходя из имеющихся возможностей или желания. Первое всегда проще, второе... Второе срабатывает, только если стимул очень сильный.

Это она о себе? То есть о том, что оставаться одной в непривычной среде, даже среди любящих, совсем не про-

сто?

– Может, тебе все же попробовать переубедить папу?

Я не в первый раз этот вопрос задаю, ведь разговоры о Земле у нас не так уж редки. Но, пожалуй, впервые я серьезно задумалась о том, насколько эта планета для мамы важна. Ей определенно нужно туда слетать! Хотя бы ненадолго.

– Дело ведь не только в нем, но и в том, что гайды всех крупных домов Атриона приняли решение не развивать отношений с Конфедерацией. И папа... Он не хочет рисковать. Наше последнее посещение Солнечной системы закончилось не лучшим образом, а подставляться под удар, напоминая земным службам безопасности о нашем существовании, твой отец не станет. «Дизар» никто не подстрахует и не придет на помощь, если что-то случится. И я в этом с Ис-Лашем солидарна, – уверенно, даже с нажимом закончила, потому что я протестующе приоткрыла рот. – Из-за одной меня рисковать всей семьей он права не имеет.

– Но ведь когда-то рисковал! – все же не сдержалась я, вспомнив, при каких обстоятельствах родители познакомились. – И к землянам обратился за помощью. И с террианками без поддержки остальных домов воевал...

– Тогда на кону были жизни всех атрионов. – В голосе мамы появилась строгость. Она даже руки на груди сложила, выражая неодобрение. – А теперь это не так. И как бы мне ни хотелось побывать на Земле, я туда не полечу, потому что

адекватно оцениваю последствия.

– Прости. – Я ее обняла, понимая, что напрасно завела этот разговор, – беременным волноваться нельзя. Потому и тему сменила: – Ты на концерт пойдешь? У меня с Ти-Ярком дуэт. Ита-Ял опять что-то новенькое танцевать будет. У РейВаров тот же номер остался, но, по-моему, ты его так и не посмотрела ни разу. А самое главное – экзоты «Аграна» у нас дебютируют.

– Обязательно пойду. Думаю, что никто из тех, кто свободен от работы, не пропустит представление. Ис-Лаш сказал, что атрионы из семьи с «Аграна» тоже придут. Не все, но...

– В зале так много не поместится! – Мне стало не по себе. Дом, с обитателями которого мы сейчас общаемся, обмениваясь опытом и информацией, лишь немногим уступает нашему в размерах. В его семье полторы сотни атрионов. Даже если треть из них решит провести время у нас, то зрителям придется сидеть в тесноте. Какое же в этом случае удовольствие?

– Так зря, что ли, майнеры его расширяют? – заулыбалась мама. – Ведь уже месяц как дорастивают! «Дизар» снова прибавляет в габаритах.

– Ага, – согласилась я и пожаловалась: – Мы из-за этого нормально репетировать не можем. Стены, растягиваясь, пульсируют и гудят. Быстрей бы уже закончили.

– Закончат, раз время представления уже определено, – заверила меня мама.

Расческа вновь оказалась у нее в руках, пальцы пробежались по ручке, смяли щетину, зажав ее в кулак... Через секунду на лице родительницы появилось недоумевающее выражение, а в пальцах – несколько черных волосинок.

Я замерла, потому что после ее неожиданного появления в моей комнате совсем забыла об этой неприятной специфике земного тела и, соответственно, упустила из виду необходимость вычистить щетку.

– Дожили, – посетовала мама, – я еще и волосы с нее не сняла.

– А почему они выпадают? – успокоенное было вновь подняло голову мое любопытство.

– Обновляются. Сначала растут, потом стареют и отмирают. На их месте появляются новые. Это нормально. И не больно, – зачем-то уточнила, хоть я и не спрашивала.

– Понятно. – Я покивала, наказав себе все же быть внимательнее. И вообще, надо на время перестать меняться, чтобы случайно не спровоцировать панику.

Оттолкнулась от стола, потянулась, мазнув взглядом по лаконичным черно-синим переливам рабочего кабинета родителей. На мой вкус – слишком уж строгим, но... у папы свое мнение насчет дизайнера.

– Ладненько. Я пошла.

– Куда? – догнал меня вопрос уже на выходе.

– Световую ванну приму, пока Аш-Хори в зените.

Потребность зарядиться я ощущала необычайно остро.

Она всегда возникала после возвращения в исходный облик, и с этим приходилось считаться. Впрочем, электромагнитное излучение световой части спектра важно для всех атрионов, а длительность его воздействия – это личное дело каждого. Никто за другими не следит.

То есть следят, конечно, диспетчеры, но они на службе, это их обязанность, а в быту ни один из них даже намек не сделает на то, что знает о тебе что-то необычное. Неразглашение информации для них на первом месте, если нет соответствующего разрешения. Поэтому и мы редко задумываемся о том, какой именно майнер в данный момент на связи. Я вот, например, понятия не имею, кто отвечает на вызывной код «два-восемь». Может, Та-Вел? Молодой атрион с ярко-желтыми волосами, практически мой ровесник, выскользнувший из коридора, в котором есть вход в диспетчерскую. Или беловолосый Жи-Арс? Он постарше и идет не так торопливо. На меня посмотрел заинтересованно, и фонит от него симпатией, я даже на расстоянии почувствовала. Или кто другой? И вообще, диспетчеров в любом секторе несколько – они сменяют друг друга. Им тоже нужно отдыхать и спать. А всего в нашей семье почти сотня майнеров! И из них больше половины занято на бытовом контроле, остальные поддерживают другие функции «Дизара»: движение, размножение, рост...

Увидев идущего навстречу отца, о своих размышлениях я забыла моментально. И в большей степени потому, что

не один он шел, а в компании незнакомого мне пожилого атриона. О том, что тот с «Аграна», я догадалась сразу. Да и в предназначении даже не засомневалась. Только от гайдов фонит такой уверенностью и властностью.

– Ол-Чес ДиеВал, Рия-Ла, моя дочь, – представил меня отец своему спутнику, когда мы поравнялись.

– Экзот, – быстро определил тот, пробежав по мне оценивающим взглядом темно-серых глаз. – Уже выступаете? В каком амплуа?

– Индивидуально пока нет. Практикуюсь. Я – певица.

– Значит, завтра будете участвовать в представлении? – Заинтересованность Ол-Чеса определенно стала сильнее. – Буду ждать с нетерпением. В моей семье всего два певца, и оба мужского пола.

– Даже не мечтай ее к себе переманить, – с отчетливо смешливыми интонациями предупредил папа.

– Но попытаться-то можно? – явно предвкушая интригу, отреагировал ДиеВал. – А что и как в жизни пойдет... Сложно предсказать. Так ведь?

Вопрос он задал именно мне, но я лишь пожала плечами. У меня, несмотря на наступившее совершеннолетие, опыта в этом мало. Что я видела в своей жизни? Наш дом и несколько других, экзоты которых передавали мне свои знания. Один раз «Дизар» превратился в корабль и поднялся в космос. Но я это путешествие практически не помню – совсем маленькая была. А когда подросла, с Атриона мы уже

не улетали.

Что касается «переманить»... Сменить семью никто не может ни запретить, ни приказать. А вот убедить и сделать так, чтобы возникло желание это сделать, – запросто. Самым сильным стимулом обычно являются чувства. Ош-Кар, муж папиной сестры, – классический тому пример. Он даже согласился быть на вторых ролях после моего отца, хоть и гайд. А все потому, что тетя менять семью не захотела. И он такой не единственный. Однако и в этом личного опыта у меня никакого. Так что я предпочла не высказывать никаких суждений. Поживем – увидим. Куда мне торопиться?

В смене места жительства – однозначно некуда, а вот на спину «Дизара» поспешить жизненно необходимо! Излучение Аш-Хори в зените, может, и жестче, чем на закате, но энергетический потенциал от него в десятки раз выше. А это именно то, что мне сейчас требуется!

Воспользовавшись тем, что гайды больше ко мне не обращались и их беседа превратилась в диалог, я отступила. Меня не остановили, и это означало свободу от необходимости присутствовать при разговоре. Через минуту я уже протиснулась в смычку между складками, отделяющими внутреннее пространство дома от промежуточного, функционального. Через две – лезла по узкому ходу. Куда более широкий горизонтальный, основной, вывел бы меня на равнину. Этот же, вспомогательный, вел на ровную площадку, находящуюся на значительной высоте.

Развернутые паруса-уловители, которые майнеры лишь на ночь складывали, прижимая к корпусу дома, сейчас раскинулись, закрыв своей тенью почти всю спину «Дизара». Мне ничего не оставалось, кроме как сместиться на самый край «крыши». Стараясь не мешать, скользнула между теми, кто оказался здесь раньше. Нашла свободное место и с наслаждением стянула верх платья до пояса, обнажая кожу.

Мужчинам в этом смысле проще – они в неофициальной обстановке носят укороченные комбинезоны, почему-то мама их называет «бермуды». Она пыталась объяснить, но я связи между островами на Земле и фасоном одежды все равно не поняла. У женщин платья тоже максимально открытые, но все же не настолько, чтобы поглощать излучение без разведения.

Развернулась лицом к сияющему светилу, испускающему пульсирующие волны белого света. Раскинула руки, увеличивая площадь контакта. Зажмурилась, наслаждаясь теплом и легким покалыванием, сопровождающим активацию кожных фотоуловителей. Снова развернулась, давая возможность поработать тем, что на спине. Они несколько менее чувствительны, но и им бездействовать не стоит.

Теперь Аш-Хори уже не слепил, потому и глаза я открыла, с интересом рассматривая открывающуюся передо мной панораму.

Гигантская равнина. Плоская, как столешница. Лишь на самом горизонте она становится холмистой и сменяется

горным массивом, за которым бушует невидимый, но опознаваемый по гулу и повышенной влажности бескрайний океан. Дом к нему может попасть только с воздуха, если перелетит через каменную гряду, – все водные объекты на Атрионе окружены такими поднятиями.

Желтая, каменисто-песчаная поверхность равнины покрыта большими и маленькими темно-коричневыми пятнами топкой, вязкой почвы, насыщенной минеральной массой. «Дизар» сейчас как раз и лежит брюшком на таком затемнении, активно всасывая воду и питательные вещества.

И поступает так не он один. Совсем рядом, в паре сотен метров, на соседнем пятне расположился еще один дом. Такое близкое соседство, конечно, не типично для крупных конкурентов. Они делают исключение разве что ради процесса размножения. Он, кстати, вчера ночью состоялся – на узкой светлой полосе между домами пульсирует капсула, в которой развиваются зародыши новых домов. А их «родителей» майнеры-пилоты удерживают от инстинктивного стремления разойтись.

«Агран»... Он действительно поменьше «Дизара», но выглядит внушительно. Черное, отливающее синевой защитное покрытие даже на расстоянии кажется прочным и непробиваемым. Слюдянистые паруса распущены и блестят, переливаясь всеми цветами радуги, а на спине дома замерли фигуры атрионов.

Любителей жесткого излучения на «Агрране» немного.

По крайней мере, я вижу всего троих. Две женщины – они стоят чуть поодаль, похоже, беседуют. И мужчина, который оперся спиной о функциональный нарост. Серые волосы лежат неподвижно, хотя ветер сильный. Кожа темно-зеленая – фотопигмента в ней много. И он так же, как и я, занят изучением окружающей природы. Чужого дома. Меня?!

Невольно дернулась, потому как пристальный взгляд незнакомца невозможно правильно оценить. Чего в нем больше? Обычного атрионского любопытства или мужской заинтересованности? И ведь не выяснишь – эмоции на таком расстоянии не воспринимаются.

Впрочем, атрион сейчас в той же степени озадачен моим вниманием! Так что я тактично перестала его рассматривать и отвернулась, вновь сосредотачиваясь на процессе поглощения энергии, а вскоре и вовсе ушла с крыши. Кожа начала терять эластичность – это первый симптом перенасыщения. К тому же мне нужно еще раз выступление отрепетировать. Хочется оправдать надежды Ол-Чеса, раз уж он такой любитель женского пения и не имеет возможности наслаждаться им в собственном доме.

«Истинные ценности нашего мира нематериальны. Их нельзя купить, продать, украсть. Они дарованы нам природой, заложены в каждого еще до рождения, готовые проявиться или угаснуть. Это чуткость строителей, тактичность диспетчеров, реакция пилотов, стремление экспериментировать у фидеров, экспрессия

танцоров и нотная фантазия певцов».

(Из речи гайда дома «Аграна» Ол-Чеса ДиеВала)

Голубой перелив сменился зеленым, отчетливее выделив черты лица стоящего напротив меня Ти-Ярка – тонкие, заостренные, изящные. Вспыхнул и постепенно угас, перекрасив стены и сцену в пурпур. Вновь разгорелся, насыщаясь и окрашивая желтизной наши соединенные руки. Наконец заискрил синими вспышками, сопровождая токкату, которую мы исполняли.

Отрывисто звучали голоса, переплетались и расходились, звук резонансом шел в зал и возвращался к нам, сливаясь с новыми оттенками мелодии. Мой партнер уверенно вел партию, я лидировать пока не стремилась – мне второй роли вполне хватало. Тем более она была более чем выразительная. Можно сказать, контрастирующая. Голос Ти-Ярка низкий, осязаемо плотный, мощный, но диапазон у него узкий. У меня же он очень широкий, и я могу снижать тембр до такого же уровня, однако сейчас использую более выгодный высокий тон. Получается очень гармонично.

Смена ритма и новая цветовая гамма. Теперь наши голоса стали лиричными, плавными, а по залу разлилась ультрамариновая синь – колеблющаяся, непостоянная, переменчивая. То совсем темная, погружающая во мрак все вокруг. То светлая, позволяющая видеть замерших в неподвижности зрителей.

И все же я старалась на них не смотреть, сосредоточив-

шись на глазах партнера. Я не стеснялась и не боялась, скорее испытывала некоторую неуверенность. Поддержка наставника казалась необходимой. К тому же мне было достаточно того восхищения, которое лилось из зала и накатывало волнами, погружая в эйфорию. Ради этого ощущения я готова была выложиться по максимуму, петь так, как не пела никогда в жизни, забывая обо всем...

И я действительно забыла. Лишь когда воздух в легких закончился, когда последняя нота сорвалась с губ, когда звук растворился в тишине, а в глазах Ти-Ярка сверкнуло что-то хитрое, я осознала – эту партию он вместе со мной не пел! Замолк, позволив завершить композицию одной.

Потрясенная, все еще находясь в трансе, я даже не поняла, как спустилась со сцены. А вот внизу меня прорвало.

– Предупредить сложно было? – возмутилась, вырывая руку из мужской ладони. – Или хоть раз отрепетировать! Я же не готова была.

– Тебе не нужна моя страховка, ты отлично пела, – укорил партнер, так сильно мотнув головой, что короткие темно-красные прядки подпрыгнули словно живые.

– Все верно, – встала на его сторону Май-Лу, вторая солистка в нашем доме. Она опекала меня в меньшей степени, зато научила приемам, которые доступны только женским голосам. – Думаешь, почему я с вами сегодня не вышла? А если бы Ти-Ярк предупредил, ты бы еще сильнее нервничала.

– Сговорились, – дошел наконец до меня их коварный замысел.

– Но ведь результат того стоил, – не сдался партнер. – Разве ты этого не почувствовала?

Вопрос риторический. Такое сложно не воспринять. Я до сих пор ощущаю удовлетворение, которым наполняется зал. Да, теперь оно усиливается еще и тем, что на смену нам на сцену вышла Ита-Ял, а ее выступления всегда находят отклик в эмоциональном настрое зрителей. Но все же вклад в первоначальный фон – именно наш с Ти-Ярком. И мой.

На возвышение, где изящно двигалась, изгибаясь, танцовщица в ритме быстрой музыки, которую исполняли сидящие внизу инструменталисты, я посмотрела с сожалением. Причин было две. Первая – меня безумно тянуло обратно. Впрочем, это совершенно нормальное стремление для экзота. Вторая – столь же сильно, как и другим, мне хотелось насладиться танцевальным шоу. А с этим, увы, были проблемы. Даже увеличенный зал с трудом вместил в себя всех желающих отдохнуть. В нем не осталось ни одного свободного вспучивания, чтобы на него сесть. Пришлось выйти.

В коридоре уровень эйфории казался не таким высоким. Музыка я больше не слышала – органическая стена давала хорошую звукоизоляцию, а равномерное освещение успокаивало, снижая возбуждение. Все же майнеры, контролирующие световые эффекты на представлении, очень точно следуют рекомендациям экзотов-режиссеров, которые со-

ставляют план выступления и просчитывают степень воздействия на зрителей.

И все же уходить от закрывшегося проема я не спешила. Стояла, рассматривая занятный рисунок на стене. Совсем новый, видимо, он появился после обновления зала, раньше здесь другой был – имитирующий пейзаж на Атрионе во время заката Аш-Хори. Фиолетовое небо, желто-красный песок, одинокий дом, опустивший паруса и бредущий по пустыне. Это было красиво. Но теперь...

Теперь небо стало голубым. Звезда – желтой и не такой слепяще-яркой. Поверхность земли – зеленой и неровной, словно покрытой штрихами, устремляющимися ввысь. Вдали виднелись горы, но необычные – среди камней отчетливо возвышались усыпанные зеленой массой коричневые тонкие прутья. А на переднем плане – атрион, опустившийся на колени и закрывший лицо рукой.

Любопытно... Видимо, это творчество художника, побывавшего в плену на Терре. Вот только среди тех, кто живет на «Дизаре», таких точно нет. То есть спасенные, решившие жить с нами, имеются, но все они фидеры и майнеры, а не экзоты. Значит, автор картины – из семьи с «Аграна».

Интересно, кто с ним работал? Его задумку в реальность помогал воплощать наш майнер или чужой?

Подошла ближе, присматриваясь к границам цветов. Четким, совсем не размытым. Тот, кто выращивал эту стену, дожидаясь, когда художник добавит в питательный субстрат

красящие пигменты, – настоящий мастер. Я помню, мой брат, первоклассный пилот, тоже пытался практиковаться в строительстве. Майнеры всегда имеют минимум две профессии: от этого зависит успешность жизнедеятельности дома и комфорт его обитателей. У Ал-Рифа так и не получилось наладить контакт с растущей массой, а уже сформировавшейся он управлял без проблем. В итоге предпочел в качестве второй специализации диспетчерскую службу.

Проем за моей спиной раскрылся. Коридор вновь наполнился звуками, световой всполох окрасил стену, в воздухе разлилась волна удовольствия. Впрочем, мне даже обернуться времени не хватило – спокойствие вновь вернулось. Однако теперь я уже была не одна. Несколько приглушенных мягким покрытием пола шагов, равномерное дыхание, отчетливый интерес и вопрос:

– Вам нравится?

– Необычное восприятие. И очень качественно прорисовано. Это ваша работа?

Я совершенно наугад спросила. Не основываясь ни на каких логических выводах, разве что кроме одного: ни атрион, изображенный на картине, ни тот, который сейчас со мной разговаривает, не из нашей семьи.

– Почти, – очень даже скромно отреагировал незнакомец. – Я всего лишь стену выращивал. А рисовала моя мама.

– Она изумительный художник! И безупречно подобрала нужные пигменты. А вы очень профессионально выбра-

ли нужную скорость роста. – Я ничуть не снизила уровня восхищения вовсе не потому, что автор картины оказалась для моего собеседника прямой родственницей. Мне на самом деле все очень понравилось. – Вы передавали нашим майнерам опыт?

– И учился сам, – внес коррективы атрион. – Нет предела совершенству. Ми-Лар. А вы – Рия-Ла.

Избавив меня от необходимости представляться, мужчина коснулся пальцами своих губ, сняв с них льер, и шагнул ближе, протягивая руку мне.

Отказывать я не стала, повторив его движение. Неофициальное общение всегда проще. И приятнее.

Наши пальцы соприкоснулись, соединясь лишь на мгновение, но даже этого было достаточно, чтобы восприятие его эмоций стало для меня более контрастным и четким.

Доброжелательность, определенно симпатия... Нет, пожалуй, больше – восхищение.

– Твой голос меня покори́л, – слова тоже сомнений не оставили. – Я лишь в детстве слышал женское пение, моя бабушка пела очень хорошо, но преемниц ей не нашлось. Сейчас в нашем доме нет певиц.

Искренность и открытость. Никакого лукавства или попыток скрыть вполне очевидную подоплеку – желание получить в семью экзота-певицу. И все же я не удержалась от маленькой проверки:

– Да, я знаю. Ол-Чес ДиеВал об этом говорил.

– Мой отец не оставляет надежды, что однажды в стенах «Аграна» вновь прозвучит женское соло.

Отец? Я внимательнее присмотрелась к своему новому знакомому, действительно обнаруживая все больше сходных черт. Такие же серые глаза, полноватые губы, узкий нос, графитовые волосы, темная кожа. Похож, но... Но я его уже где-то видела! Ой!

– Это ты был на крыше! – ахнула, вспомнив, где именно.

– И приятно удивился, когда увидел тебя на сцене... – Ми-Лар вдохнул глубже, улавливая мою реакцию, и в его голосе появилась обеспокоенность: – Я понимаю, все это выглядит намеренно подстроенным, но я на самом деле ничего не планировал заранее. Не искал встречи специально, разве что сейчас. Боялся, что ты уйдешь и я не успею с тобой поговорить.

Он оправдывался, ощутив в моих эмоциях разочарование. Ведь первое, о чем я подумала, – это владеющее мужчиной меркантильное желание угодить отцу. А мне так хотелось, чтобы я его привлекала как женщина, а не как редкий экземпляр, который нужно заполучить любой ценой. Неужели мое предназначение – единственное, что волнует Ми-Лара?

– О чем поговорить? – пошла ему навстречу, приняв объяснение. Может, я действительно излишне мнительная и недоверчивая?

– О приглашении. – Голос атриона вновь приобрел спо-

койные, уверенные интонации. – Ты согласишься провести завтрашний день со мной?

Свидание? А вот это... приятно. После наступления совершеннолетия предложения побыть наедине я получала дважды, а по факту кавалером так и не обзавелась. Не сложилось. Это нормальное явление. Папа говорит, что ему до знакомства с мамой тоже не везло в личных отношениях. Хотя ограниченным его выбор трудно было назвать: семья на «Дизаре» даже в те времена уже была немаленькая и другие дома отец посещал не так уж редко. Да и брат мой, похоже, унаследовал ту же разборчивость...

– Соглашусь, – обнадежила я застывшего в ожидании мужчину.

Сделала это очень вовремя – проем снова раскрылся. На этот раз из него появился Ал-Риф, и фонило от брата отнюдь не воодушевлением и беззаботной расслабленностью, как должно быть после представления, а озабоченностью с налетом беспокойства.

– О каком согласии идет речь? – напористо поинтересовался Ал. Видимо, мои последние слова все же услышал.

– Это личное, – поставила я его в известность. – До завтра, Ми-Лар. – Вновь коснулась пальцами губ, чтобы обменяться с ним льером.

Проводив глазами уходящего атриона, обернулась к брату.

– Напрасно согласилась, – не одобрил тот моего решения.

– Почему? – удивилась я.

– Он не сменит ради тебя семью.

– Отчего такая уверенность? – Скептически хмыкнув, я бросила еще один взгляд на картину и направилась в столовую. Есть хотелось до умопомрачения.

– Ты почувствовала от него больше, нежели простую заинтересованность? – Ал-Риф, шагая рядом, принялся меня допрашивать.

– Нет, – отрицать очевидное я не стала. – Но ведь глубокие чувства не сразу проявляются...

– Сразу, – категорично отрезал брат. – Ты еще молодая и этого не понимаешь, потому что опыта никакого. Вернее, мы все так считаем, пока не столкнемся с настоящей любовью.

– А ты много об этом знаешь! – возмутилась я. Даже остановилась, уперев руки в бока, и развернулась к упрямцу: – Где твой хваленый опыт? Сам ведь до сих пор не женат!

– Потому и не женат, – резко осадил меня Ал, в очередной раз доказав то, о чем я уже давно подозревала: он в кого-то влюблен, эта девушка точно не из нашей семьи и взаимностью ему не отвечает даже на минимальном уровне. Иначе бы брат сейчас жил не на «Дизаре», а в ее семье, и ухаживал, ожидая, пока она примет его как мужа.

– Ладно. – Мне пришлось оставить щекотливую тему и вернуться к тому, с чего мы начали разговор: – Допустим, я бы ему отказала. Наши дома разошлись, и с Ми-Ларом я

больше никогда бы не встретила. Но вдруг он на самом деле – моя судьба? А я не дала ни ему, ни себе возможности в этом убедиться.

– Ты максималистка, – охарактеризовал мою позицию брат. – Не он – так другой.

– Кто бы говорил... – едва слышно пробормотала я, опускаясь на сиденье. Хорош советчик!

Дождалась, когда на раздаче появятся стаканы, ловкохватила желтый, оставив брату синий, и мысленно поблагодарила четыре-один, который так удачно подобрал для нас рацион. То есть «которая». В столовой диспетчерами традиционно работают женщины.

– Почему ты не стал досматривать представление? – полюбопытствовала, вспомнив, насколько неожиданно брат оказался в коридоре. А ведь намеревался сидеть до конца. Он об этом говорил за обедом.

– Хотел тебя поддержать. Первый раз делать что-то самостоятельно психологически сложно. Вернее, оглядываться на сделанное. Кажется, наделал кучу ошибок и никакого профессионализма не продемонстрировал. А ты не предупредила даже, что у тебя соло будет. И мне показалось, что ушла расстроенная.

– Да нет, все было неплохо, – успокоила я его. – Если честно, то я настолько увлеклась, что сейчас даже вспомнить не могу, как партию вела. Так что «оглядываться» мне не на что.

– Это хорошо. – Отпив напиток, Ал задумался. – Я когда впервые управлял ботом без страховки, потом несколько дней мучился и переживал.

– Не ты один, – поддержал его жизнерадостный женский голос. – Мой первый самостоятельный мусс был тем еще «шедевром». Я даже выпила его сама, чтобы никто не узнал, что именно получилось.

Ноя-Ти, моя кузина, дочка тети Даи, появилась рядом, не только подслушав, но и бесцеремонно вмешавшись в наш разговор. Она младше Ала ровно настолько же, насколько старше меня, так что мы отлично дружим.

– А ты на концерт не пошла? – Я подвинулась, чтобы девушка могла сесть рядом, составив нам компанию.

– Я работала, у меня сегодня смена на переработке сырой массы. Вот только освободилась. – Кузина поправила ворот розового платья и убрала со лба синие прядки. – Кстати, как вам муссы? Я в них кое-что необычное добавила...

Она загадочно не завершила фразу, а мы с братом внимательнее прислушались к вкусовым ощущениям. Не знаю, как он, а я так точно ничего необычного не почувствовала. Но расстраивать Ною не стала.

– Очень приятное сочетание. Добавки наверняка фидер с «Аграна» посоветовал?

– Ага. Есть у них один... новатор. – Ноя-Ти хихикнула.

– Он тебе понравился? – восторженно спросила я, заинтригованная ее поведением. – Вы решили встречаться?

– Ну нет! – уже совсем открыто развеселилась девушка. – Юз-Тер не в моем вкусе. Да и он в возрасте уже, намного старше наших родителей. И женат к тому же. Но фидер изумительный. Он нам на дегустации такие комбинации показывал!.. – Зрачки ее голубых глаз превратились в совсем узкие полоски, доказывая, насколько сильное впечатление произвели на кухню творения опытного коллеги. Впрочем, восторженные интонации быстро сменились на огорченные: – А секрет этой добавки он не раскрыл. Но мне немного подарил. Я теперь ломаю голову, как ее массу увеличить или где еще достать...

– И чем она так хороша? – перебил кухню Ал. – Прости, Ноя, но не понял. Нет в муссе ничего необычного. Рия?

Раздосадованная его прямоотой, я хотела было ответить резкостью, но потом, отпив еще немного из стакана, просто пожала плечами. Майнер! Никакой деликатности. Что с него взять?

– Эффект не во вкусе, а в действии, – экспериментаторша важно донесла до нас значимую информацию. – Добавка снижает напряженность и успокаивает. А главное, никак не влияет на вкус и ее можно использовать в сочетании с любыми другими. Так что, Рия, признавайся, что ты там почувствовала?

– Вы ничего не чувствуете? – И вновь наш разговор прервали, отвлекая внимание и тем самым невольно избавляя меня от необходимости отвечать. Не то чтобы мне неприят-

но было признаваться в лукавстве, скорее не хотелось новой нотации от брата.

– Понять не могу... Знакомый какой-то запах... – подойдя ближе, продолжила мама, а я увлеченно следила за тем, как она морщит нос и хмурит лоб, вдыхая доступный ее обонянию аромат.

Эх! Вот бы мне сейчас в облик человека! Уж я бы тогда тоже узнала, что родительница учуяла, а Ноя намешала! То есть ей насоветовали.

– С ним что-то не так? – Алу этот нюанс был определенно интереснее всего остального. Впрочем, настоящего волнения от брата я не почувствовала, лишь желание получить ответ.

– Да. То есть нет. То есть... – Мама забрала стакан из моих рук, поднесла его к самому носу, втянула воздух, задумалась и мотнула головой, констатируя: – Так не вспомнить. Ноя, ты мне дашь немного добавки для анализа?

– Юз-Тер ее уже лет двести использует, и никаких проблем или побочных эффектов от нее нет, – не слишком довольна, можно сказать, сварливо, но все же вполне миролюбиво попыталась отказать Ноя-Ти. Встретилась глазами с уверенным взглядом моей мамы, вспомнила, что жену гайда она обязана слушаться так же, как и его самого, и понуро согласилась: – Дам.

Почти минуту мы сидели молча. Я – потягивая мусс, который мне вернули; Ал – изучая глазами то свой стакан, то си-

дядюшку напротив него кухню; мама – скрестив руки на груди и ожидая от Нои действий. Однако та упорно не желала немедленно выполнять обещание. Наконец все же не выдержала.

– Что, прямо сейчас принести? – теперь уже даже с некоторой обидой спросила. Поднялась, сделала шаг к выходу и неожиданно замерла. А когда обернулась, в ее эмоциях определенно чувствовалась надежда и некоторое воодушевление. – Ой! Тетя Тая, а может, тогда вы мне поможете с копированием этого вещества? Оно никак не дублируется обычными способами.

– А как Юз-Тер его получает?

– Говорю же – не знаю! Не рассказал он! Это его право – делиться опытом, но не раскрывать всех секретов.

– Ладно. – Родительница улыбнулась, показывая, что настрой у нее самый доброжелательный. – Я что-нибудь придумаю.

Вот в этом я ничуть не сомневаюсь. Во-первых, люди, в отличие от нас, пользуются неорганическими материалами и технологиями. Это не лучше и не хуже, просто дает возможность подойти к проблеме с другого ракурса. У мамы, конечно, ресурсы ограничены, не так уж много земного оборудования в ее распоряжении, но раз настолько уверенно говорит, значит, его достаточно. Во-вторых, она по профессии – разведчица, а это, как я поняла, означает очень широкий спектр умений в плане добывания информации и рабо-

ты с ней. Ну и в-третьих, мама очень обрадовалась возможности вновь их проявить.

Почему я так решила? Все очень просто. Когда Ноя принесла упакованный в нейтральную органическую капсулу совсем крошечный шарик, к нам присоединился папа. Концерт завершился, в столовой прибавилось желающих перекусить, и мы ушли, оставив родителей ужинать. Однако я успела различить, до того как шум в столовой перекрыл остальные звуки, а расстояние лишило возможности прислушиваться:

– Тая, ты что задумала? Забыла, что ты моя жена и больше не работаешь на Конфедерацию? – В голосе отца, как и в его эмоциональном фоне, чувствовалось напряжение.

– Агенты бывшими не бывают, – с какой-то бесшабашной веселостью заявила мама. – Лаш, я так соскучилась по своей работе! Безумно хочется вновь ввязаться в какую-нибудь авантюру, но поскольку это невозможно, дай мне хоть на мелочах душу отвести. Ты же меня понимаешь?

– Понимаю.

«Чаще всего ключами к пониманию происходящего становятся совершенно незначительные на первый взгляд вещи и события. Они, как ключевые знаки в музыке, указывают на те позиции, с которых нужно начинать раскручивать клубок интриг и простых совпадений, чтобы прийти к правильному выводу».

(Из мемуаров Таис ВерДер-Саталь)

Ми-Лар шагнул навстречу, едва я показалась в проеме

главного шлюза. Подал руку, помог спрыгнуть на песок.

– Рия! – поприветствовал он радостно, можно сказать, предвкушающе-воодушевленно. Но слишком уж вольно.

– Рия-Ла, – строго поправила.

Я всего лишь дала согласие на свидание, а это не повод для неформального обращения, тем более мы не из одной семьи.

– Извини, – тут же сбавил напор мой кавалер. Если и стусевался, то на мгновение, потому как тут же оправдался: – Я просто очень рад тому, что ты мне не отказала.

Это я и сама чувствую. Но вот причина подобного состояния какова? Мотивы, в отличие от эмоций, так легко не распознаются. Вернее, вообще не распознаются, о них приходится только догадываться. Ну или верить на слово тому, кто убеждает меня в своих намерениях:

– Признаюсь честно, это мое первое свидание за последние семь лет. Я был в таком нетерпении! Едва смог дождаться момента, когда снова тебя увижу.

– Всего за семь? – не удержалась я от игривого тона. – А до этого сколько их было за-а-а... – многозначительно растянула последнее слово, намекая, что неплохо было бы мне сообщить не только число попыток найти жену, но и возраст.

– Восемь встреч за сто лет, – не стал меня разочаровывать поклонник.

Прозвучало признание очень перспективно. Значит, Ми-Лару двести пятьдесят, он на пятнадцать лет младше моего

брата и на девяносто пять старше меня, серьезно подходит к выбору и приглашения не раздает всем без разбора. Если не занижает цифр, конечно.

Однако немедленно выяснять подробности его личной жизни я не стала. Успеется. У нас весь день впереди. И ночь.

Я просто кивнула, принимая объяснение, и коснулась пальцами губ.

Обмен льером для нас сейчас весьма актуален, особенно потому, что нет другого способа усилить восприимчивость организма и правильно определить: сможет ли в будущем возникнуть влечение более высокого уровня, нежели простая симпатия. Прямой контакт через губы был бы, конечно, эффективнее, но позволить его себе могут только влюбленные. А нам этого ждать... долго.

Поняла я это сразу, едва ощутила, как моя ладонь оказалась в теплом захвате сильных пальцев. Отторжения не возникло, но и желания чего-то большего – тоже.

Признаться, меня это расстроило. Я все же надеялась на тот самый чувственный всплеск, о котором с такой нежностью и нескрываемым удовольствием рассказывал папа. Ему одного случайного касания хватило, чтобы определиться и больше не сомневаться в своем выборе. И это притом, что мама совсем не атрионка!

Оставалось надеяться, что к концу свидания восприятие все же изменится и перспективы будут более очевидны. Не зря же нам отведено столько времени на знакомство!

И Ми-Лар определенно не собирается тратить его напрасно.

– Мы куда-то полетим? – Я немедленно заинтересовалась планами, сообразив, что Ми-Лар увлекает меня к лежащему брюшком на песке стандартному боту.

Небольшому, черно-синему – в точности как «Агран», от которого он отпочковался, и потому совершенно не похожему на боты «Дизара». У тех естественная окраска – темно-серая, лишь с легким налетом синевы и белыми разводами. В принципе у всех домов свой цветовой оттенок и рисунок «шкурки». А ведь она еще и мимикрировать может, сливаясь с фоном поверхности.

– Я же майнер. То есть в первую очередь пилот, – с отчетливой веселостью напомнил атрион, раздвигая мягкую складку-вход, чтобы мне было легче пролезть внутрь. – И хочу, чтобы ты узнала обо мне как можно больше. У тебя есть особые пожелания или доверишься мне? Или ты против самого полета?

– Не против, очень даже «за». А вот куда именно... Пусть будет сюрприз, – решила я.

Ну а на самом деле, почему у меня должны быть какие-то возражения? Меня брат не раз катал на ботах, но это ведь совсем иное. Потому как компания другая!

Послушно забралась во внутреннее пространство чужого корабля, маленького, но неродного. Хотя в нем все стандартно: вспучивания-кресла, одно из которых управляющее,

складки маленького гигиенического модуля и светящиеся слабой флуоресценцией мягкие стены.

Не дожидаясь приглашения, села в кресло, самое близкое к тому, в которое опустился следующий за мной Ми-Лар. С интересом проследила, как его серые волосы, упавшие на поверхность сиденья, словно расплавились, сливаясь с органической поверхностью и позволяя пилоту интегрировать свой разум в нервную систему бота. Теперь он с ним единое целое.

Невольно коснулась своих тяжелых прядок, скользнув по ним подушечками пальцев. Мои волосы для этого не приспособлены. Так уж природа распоряжается, наделяя нас разными данными. А жаль, я бы с удовольствием посмотрела на то, что происходит сейчас за стенами кораблика.

Мое любопытство оказалось настолько сильным, что Ми-Лар его почувствовал. Приоткрыл глаза, бросил на меня краткий взгляд, словно проверяя, не ошибся ли, а когда закрыл, одна из стен начала приобретать не свойственную ей жесткость. Ее естественная окраска поблекла, зато сквозь нее проступили другие краски, сформировав не слишком четкое, потому как бот находился в движении, но все же изображение.

Зная, как сложно пилоту одновременно и управлять, и контролировать внутреннее пространство, я замерла, стараясь больше его не отвлекать. Сидела смирно, наблюдая за калейдоскопом картинок.

Массивные «Дизар» и «Агран», лежащие на желтой песчаной равнине. Бескрайнее пространство пустыни, с огромной скоростью проносящееся под нами. Обширные коричневые пятна свежего питательного субстрата, которые, несомненно, привлекут внимание домов, едва майнеры позволят им разойтись. Очередной безжизненный участок. Распустивший розовые паруса одинокий дом, ярко-красный, молоденький, а потому совсем маленький. Наверняка в нем небольшая семья живет, не более десятка атрионов. Низкая каменистая гряда, ограничивающая плоское прогретое озеро, которое парит так, что окружающий мир теряется в плотном тумане. Возможно, мы сюда? Нет, летим дальше.

Разорвав влажную дымку, бот стремительно пронесся над «вросшими» в вязкую почву личинками домов. С той высоты, на которой мы сейчас находимся, они похожи на россыпь разноцветных бусин, которые так любит перебирать моя мама. У этих крошек еще даже парусов нет, поэтому ночью от них нужно держаться подальше: не успев накопить световую энергию за день, они непременно постараются компенсировать ее недостаток, высасывая тех, кто имеет меньший размер. Днем же рядом с ними безопасно и даже интересно – личинки очень забавные звуки издают, слушая их, можно придумать столько новых мелодий!

Но мы пролетели мимо, и снова началась пустыня. Такова уж наша планета, которая не может похвастаться ни многообразием жизненных форм, ни разнообразием пейзажей.

Первые погибли в процессе эволюции, остались лишь те, кто научился жить не только ради себя, но и обеспечивая других. Вторым не из чего образовываться, ведь климат везде одинаково теплый и влажный, а кроме песка, разлагающегося субстрата, скальных поднятий и впадин, заполненных водой, на Атрионе ничего нет.

Так куда же мы направляемся? Ох, неужели?!

Широко раскрыв глаза, я смотрела на появившиеся впереди горные пики. С каждой секундой они становились все выше и ближе, и я окончательно уверилась в своей догадке. Океан! Значит, Ми-Лар решил провести со мной время на вершине одной из гор, используя в качестве антуража бушующий простор воды?

Что, опять нет?!

Теперь уже с недоумением я смотрела, как бот, перелетев через хребет, скользит по воздуху вдоль отвесной каменной стены, о которую разбиваются высоко вздымающиеся волны. Брызги, повисающие в воздухе, формируют у побережья полупрозрачную завесу, похожую на клубящееся, беспокойное облако.

Меня это всегда удивляло. На суше поверхность озер идеально ровная, никакого перемещения воды в них нет, зато океан и моря ни на мгновение не успокаиваются. Словно они тоже живые, им не нравится мешающая разлиться на большую площадь каменная преграда, и они пытаются ее разрушить.

В некоторых местах это даже удается, и там, где вертикальность обрыва нарушается, возникает своеобразный рельеф из уступов, небольших плато и гротов... Мы в один из них и залетели, обогнув два выдающихся в океан мыса.

– Прибыли, – подтвердил мои наблюдения пилот, поднимая голову. Его волосы натянулись, неохотно разрывая контакт с симбионтом, а картинка исчезла, вновь сменившись мягкой стеной. – Мы здесь надолго, так что...

Бросив выразительный взгляд на гигиенический модуль, Ми-Лар исчез в складке, закрывающей выход. Я игнорировать намек не стала, а когда вылезла следом, ахнула от восхищения.

Все же майнер убрал изображение прежде, чем бот окончательно устроился в глубине грота, поэтому панорама места, которое было выбрано для свидания, стала для меня приятной неожиданностью.

Глубокий пролом в горе хоть и располагался высоко над поверхностью океана, но оказался наполовину заполненным водой: волны самыми верхушками захлестывали сюда, пополняя центральное углубление, похожее на маленькое озерко. Оно даже парило так же, как внутренние материковые, видимо, в достаточной степени нагревалось, хотя брызги до меня долетали прохладные. Океан в этом смысле намного холодней. Впрочем, купаться в нем никто не решается вовсе не из-за температур – они вполне терпимые, и не из-за опасности быть съеденным – он совершенно безжизненный,

и не из-за боязни утонуть – мы можем довольно долго обходиться без воздуха, а потому, что никому не хочется быть разможенным о скалы.

Однако плескаться в морской воде – это совсем иное, нежели в пресном водоеме! Экзотика! И еще, возможно, генетическая память работает. Ведь когда-то океан был совсем мелководный, спокойный и занимал огромную площадь современных пустынь. В то время в нем жили наши далекие предки, которые еще и на нас были не очень похожи, и умели свои тела менять так же, как сейчас делают дома́.

В общем, ни мне, ни Ми-Лару особого приглашения не потребовалось. Мы не сговариваясь принялись стягивать с себя одежду, которая соленой воды точно не выдержит – съежится, потом ее даже в модуле будет снять проблематично.

Я нырнула первая. Уже опускаясь на дно, услышала, как ударилось о поверхность воды тело Ми-Лара. Развернулась, удерживаясь в глубине, чтобы его увидеть. Света здесь не хватало, поэтому заметила, лишь когда атрион подплыл совсем близко. Еще более темная, неясная фигура, протянувшая ко мне руку.

Ловко извернулась, избежав контакта, и оттолкнулась от дна. Всплыв на поверхность, быстро, насколько могла, поплыла к берегу. Забралась на камни, обежала озерко, чтобы оказаться с противоположной стороны, а когда атрион выбрался из воды, снова нырнула.

Игра в догонялки меня не утомляла. Было весело, и я отчетливо ощущала – Ми-Лар тоже получает удовольствие. И все же в один из таких заплывов позволила ему себя догнать. Теперь мы плыли рядом, держась за руки, хоть это и было не совсем удобно. А потом я сидела на теплом плоском выступе, болтая ногами в воде, мужчина же вылезать не спешил. По пояс скрытый темнотой озера, он оставался на плаву, ухитряясь при этом меня расспрашивать.

– Почему твой отец позволяет своей жене называть себя трехзвучным кратким именем? Это ведь женский вариант. Я когда услышал, ушам не поверил. Мне даже уйти пришлось, чтобы мою реакцию не заметили и не восприняли как бестактность.

– Но это же не жесткое правило, его ради удобства ввели, чтобы меньше путаться, – парировала я. – Поэтому папа даже поправлять маму не стал, когда она ошиблась, – опасался, что это ее оттолкнет. А у землян имена вообще невообразимые. Хорошо хоть у мамы оно видоизменяется до привычного всем сокращения.

– Она ведь сейчас адиза? – продолжил проявлять любопытство Ми-Лар. – Сколько же ей лет? По внешности сложно понять, но все же и ты, и твой брат уже совершеннолетние.

– Маме четыреста десять, – скрывать информацию я не стала. – Земляне, как и мы, до восьмисот лет могут доживать. Так что она без проблем сможет воспитать еще одного ребенка.

– Это хорошо. Потерять жену раньше срока ужасно. В молодости жить без пары проще, чем в старшем возрасте.

Тут он прав. Близкие отношения оказывают очень сильное влияние на организм. Пока их нет, остается свобода выбора. Можно влюбиться, а если избранник не отвечает взаимностью и перспектив никаких – переключиться на другого. Но после физического контакта с прямым обменом льером это станет невозможно. Ни влечения, ни чувств к другому партнеру уже никогда не возникнет. В общем, как говорит моя мама, атрионы становятся патологическими однолюбам, когда позволяют телам взять верх над разумом.

– Хотя я все равно не представляю, как можно влюбиться в того, кто имеет совершенно не схожий с нашим облик. Мы все, когда узнали, что на «Дизаре» есть такой странный смешанный брак, да еще и с детьми, поначалу думали, что ты и твой брат выглядите как смесь наших рас. И я очень обрадовался, увидев, что в тебе нет ничего земного.

Вот оно. Подтверждение того, что я совершенно правильно скрываю свой второй облик. Кому я нужна в жутковатой для восприятия атрионов земной оболочке? Это только папа у меня с уникально широкими взглядами (впрочем, даже они имеют свои границы), а остальные куда более консервативны. В нашей семье к маме относятся терпимо и с уважением лишь благодаря авторитету, который имеет мой отец. В других семьях настрой иной. Не зря же гайды всех домов, с которыми мы встречались, категорично отвергают

саму мысль о возможности сотрудничества с Конфедерацией. Уверена, даже если у Ми-Лара и начнут возникать ко мне какие-то чувства, они тут же исчезнут, едва я покажусь ему в образе человека. Или хотя бы намекну на подобное. Тем более он не гайд. Те могут себе позволить широту мышления, хоть и не всегда желают это делать, а остальные атрионы, которые имеют иную специализацию, мыслят очень узко – фактически за них думает и принимает решения глава дома. Зато исполнительская дисциплина у них на высоте, как и ответственность за дело, которое выполняют.

А ведь я для Ми-Лара сейчас именно в этом статусе – он за меня перед гайдами обоих домов отвечает. Поэтому, едва мой желудок вмешался в наш разговор, решив, что последний прием пищи был неприлично давно, атрион немедленно прекратил расспросы. Нырнул и исчез из виду, а потом появился на берегу и забрался в бот.

Пользуясь его отсутствием, я окунулась еще раз, наслаждаясь ощущением независимости и свободы, а затем перебралась на новое место, где могла впитывать кожей световой поток. За это время Аш-Хори сменил свое положение на небосклоне, оказавшись перед входом в грот. Теперь его лучи проникали внутрь, освещая складывающиеся стены камни и бликуя в нескончаемых брызгах, а над озерком возникла радуга. И вот вроде ничего необычного, простой эффект преломления света, но... До чего же красиво!

Сама не заметила, как начала петь, вплетая свой голос

в равномерный шум океана, в шелест убегающих волн, перекатывающих мелкие камни, и в стук падающих капель. Ловила отраженный звук и дополняла, заставляя воздух вибрировать отголосками.

– Бесподобно! – Едва я умолкла, за спиной раздался сдавленный выдох.

Ми-Лар, вернувшийся совсем неслышно, – хотя, возможно, это я настолько увлеклась, что не заметила его приближения, – стоял совсем рядом, держа в руках стаканы с муссом. Он успел одеться, но выбрал домашний вариант без верха. Вручив мне напиток, сел рядом, стараясь, чтобы свет Аш-Хори падал и на его кожу.

– Уверен, это место видело многое, но не слышало ничего подобного, – продолжил восхищаться Ми-Лар.

– Значит, ты и других девушек сюда на свидания привозил?

Я быстро сообразила, что лежит в основе его слов. Привлекательность грота уменьшилась моментально, даже захотелось его покинуть, настолько неприятно кольнула мысль, что я не единственная, кому Ми-Лар показывал это маленькое природное чудо. Глупое чувство, конечно, субъективное, но поделать с собой я ничего не могла.

– Почему только я? – Моя реакция не укрылась от несостоявшегося кавалера. Он определенно этим обеспокоился и пустился в объяснения: – Это место известное. Полагают, что ему больше тысячи лет. Атрионы из разных домов при-

летают сюда и для свиданий, и просто отдохнуть. Мы сами получили информацию о гроте не так давно, хотя я, сколько здесь ни бывал, никогда ни с кем не сталкивался... Кстати, теперь и твоя семья тоже сможет им пользоваться. Твой брат, например. У него ведь есть девушка, которой он симпатизирует?

Если первая часть его оправдательной речи заставила меня устыдиться собственнических замашек, то последний вопрос основательно напряг. Как-то очень много Ми-Лар о моей семье спрашивает. И почти ничего – обо мне лично.

– Вот сам бы у него это и выяснил, для этого вовсе не обязательно было меня на свидание приглашать, – не выдержав, буркнула, хмуро глядя в стакан с розовой жидкостью. – Вы же оба майнеры и два дня опытом обменивались.

– опытом, а не подробностями личной жизни, – опешил от моего раздражения атрион. Удивление и непонимание того, что именно меня не устроило, явно сквозили в его словах и эмоциях: – Рия-Ла, ну что не так? Может, ты устала? Или замерзла? Тогда идем, оденешься. И не ешь, а ведь хотела... – Теперь в интонациях еще и укор появился. Легкий, едва заметный, но с нотками обиды, несомненно.

Ну да, он же все делает, чтобы я получила удовольствие от нашей встречи, а моя капризная персона почему-то остается недовольной.

Я залпом выпила мусс, даже не особо вникая в его вкусовые характеристики. Вернула стакан Ми-Лару, сползла в во-

ду, в последний раз опускаясь на дно. Вынырнула почти у самого бота и, подхватив снятое платье, забралась внутрь. Жидкие выделения модуля растворили одежду прямо у меня в руках, а новая прилипла к коже, повторяя тот же фасон. Менять настройки я не рискнула. Все же это чужая органика. А когда выбралась во внутреннее пространство бота, нос к носу столкнулась с терпеливо ожидающим меня атрионом. Я даже среагировать не успела, а мои руки уже оказались в его ладонях. И судя по тому, насколько остро я ощутила владеющее Ми-Ларом сожаление, льер с губ он снял до того, как меня коснуться.

Усадив в кресло, атрион опустил на колени рядом со мной, но контакта так и не разорвал, продолжая едва ощутимо поглаживать кожу на запястье.

– Рия... – выдохнул, вспомнил мою утреннюю отповедь и тут же исправился: – Рия-Ла, раз тебе не нравится упоминание о твоём брате, наверное, он что-то обо мне не очень хорошее сказал? Посчитал меня неподходящей для тебя партией? Ты не смущайся, я могу это понять. И о причинах догадываюсь. Я обогнал его на гонках, да и в строительстве у меня навыков больше. Ал-Риф, видимо, болезненно воспринимает чье-то превосходство. Внешне он, конечно, сто-процентный атрион, но характером определенно землянин, потому что переносит профессиональные отношения в личную сферу, а это совершенно недопустимо.

Хоть и всколыхнулась в душе волна протеста, я ее пога-

сила. Может, причина и иная, но ведь Ал в самом деле изначально был против нашей встречи. К тому же меня намного сильнее заинтересовало другое.

– А ты откуда о характерах землян знаешь?

– «Агран» забрал с Терры двадцать шесть атрионов. Все они остались жить в нашей семье, ведь их дома уничтожили, а заселиться в новые у спасенных просто не хватило бы сил. Моя мама была в их числе. Ты же видела ее картину. Она до сих пор не может забыть того, что творили террианки. А ведь они и земляне имеют общие корни. Так что я слышан о том, какими могут быть люди.

– Ясно. – Я понимающе покивала и осторожно высвободила свои руки. – Мы возвращаемся?

– Отведенное нам время еще не закончилось, – насторожился Ми-Лар. – Хочешь сказать, что ты определилась?

Он поднялся с колен, и теперь мне приходилось высоко заирать подбородок, чтобы видеть его глаза. Не слишком удобно, но после купания и обеда состояние мной владело расслабленное. Двигаться было лень.

– В принципе... да, определилась, – подтвердила, откидываясь на мягкую спинку и опираясь на нее затылком. – Я не чувствую ярко выраженной потребности продолжать общение. А ты?

Мне казалось, что он с облегчением примет мой отказ, ведь наш разговор не принес ни ему, ни мне положительных эмоций.

– А я чувствую, – удивляя меня, заявил майнер. – Ты мне очень нравишься. И влечение к тебе у меня определенно сильнее, чем к тем, с кем я встречался раньше.

– Влечение? – Будь я сейчас в земном облике, точно бы мои брови уползли на лоб. Понятно, что физиологию никто не отменял, и я прекрасно замечала взгляды, которые пробежали по моему телу, когда Ми-Лар думал, что я этого не вижу, но ведь на первом месте должна быть психика! – Тебе же со мной некомфортно!

– С чего ты взяла? – изумился атрион. Зрачки расширились от моего вывода, вытесняя серую радужку, а он сам опустился на сиденье, чуть подвинув мои ноги, чтобы не придавить. – Мне с тобой замечательно, и я сделаю все, чтобы ты почувствовала то же самое по отношению ко мне.

– Быстро у тебя вряд ли получится, – честно предупредила я. – И вообще, никаких обещаний и гарантий я дать не смогу. Ты же понимаешь? И все равно настаиваешь?.. Ладно, поступай как знаешь.

Раз он так в себе уверен, смысла спорить я не видела. По мне, затея бессмысленная, но раз мужчина вбил себе в голову, что добьется моей взаимности... Пусть развлекается, меня это ни к чему не обязывает. Я даже от свиданий с другими могу не отказываться, если подвернется такая возможность.

– Стоп! – спохватилась, сообразив, что с любым кавалером из моей семьи было бы именно так, но не с тем, кто жи-

вет в другой. – И как ты собираешься это делать? Или ты настолько сильно желаешь быть со мной, что готов сменить семью?

– Ты считаешь это невероятным? – Ми-Лар снова напрягся. Недоумения в его взгляде стало больше. – Почему?

«Потому что Ал-Риф так полагает», – чуть было не ляпнула я. Вовремя спохватилась, сообразив, что этим лишь усилию не самое благоприятное впечатление, которое произвел на него мой брат.

Однако... Неужели Ал ошибся, а я неосознанно приняла его позицию и мой скепсис в отношении Ми-Лара не имеет под собой никаких оснований? Неужели, несмотря на облик, и брат, и я по характеру действительно в большей степени земляне, нежели атрионы? И неужели всех, кто честно и открыто высказывает свою точку зрения, отличную от моей, я буду отвергать? Если это так, то я рискую не найти себе мужа.

И что мне оставалось? Лишь принять как данность настойчивое стремление нежданного кавалера за мной ухаживать. А потому – дать ему возможность провести со мной все отведенное на свидание время.

Позволить отвезти в долину. Полюбоваться на закат. Вернуться в бот, чтобы поужинать. Выслушать краткую биографию, в которую Ми-Лар решил меня посвятить. Порадоваться тому, что ни о моем брате, ни о маме, ни о землянах-терианах атрион больше не упоминал. Вернуться к «Дизару».

Обменяться льером, раз уж отношения не прекращаются. Оказаться в своей комнате, снять одежду и упасть в гель.

Ох... Наконец-то мне гарантировано двенадцать часов спокойного сна!

«Что такое витая акколада? Хм... Ну вот смотри. У тебя есть брат, родители, тетя, дядя, кузина... Каждый из них занят в доме своим делом. Играет свою партию, так сказать, от твоей, по сути, независимую. Однако в случае необходимости они всегда тебе помогут и поддержат. То есть партия у вас станет общей. Это и есть акколада. А витая – потому, что тот самый стимул, что заставит их начать это делать, он как бы всех собой обвивает, объединяя и сплачивая. Ясно?»

(Из объяснения Май-Лу на обучающем занятии для Риш-Ла)

Открыв глаза и увидев над собой багряный потолок, наливающийся светом, я с наслаждением потянулась. Вязкий гель, в котором за ночь утонуло мое тело, вытолкнул меня на поверхность, превратившись в упругий и плотный, намекая, что пора вставать.

Я лениво поползла к модулю, вспоминая, что же на сегодня запланировано. Разговор с отцом: нужно же ему сообщить итог вчерашнего свидания. Беседа с мамой: в последнее время она как-то часто стала мне о Земле рассказывать, скучает наверняка, да и гормональный фон добавляет нестабильности и рефлексии. Брата тоже стоит отловить и задать пару-тройку вопросов. Не отвертится...

– Дочурка, мы тебя в кабинете ждем, – едва я выбралась из складок модуля, раздался голос мамы, переданный внутренней системой связи.

– Иду!

Я рванула к выходу. Не дошла. Вернее, не добежала. То есть добежала, но открыть проем не смогла.

– Рия, ты не в себе, – огорошил меня два-восемь, заблокировав стену и не позволив ей раскрыться раньше времени.

Я замерла в недоумении и лишь затем, взглянув на свои руки – такие светлые, тонкокожие, – со стоном схватилась за голову. Вот сейчас бы выскочила!

– Спасибо, два-восемь! – искренне поблагодарила, сосредотачиваясь и возвращая себе нормальный внешний вид.

Вот что значит привыкнуть ко второму облику! Я его даже перестаю замечать и воспринимать как нечто необычное. С одной стороны, это хорошо, а с другой – грозит разоблачением. И ведь что самое обидное? Контролировать процесс трансформации я научилась, могу с легкостью принять тот вид, который мне сейчас нужен, и тем не менее спонтанные изменения все равно остаются, а в причинах я так и не разобралась.

По дороге в кабинет отца все же не удержалась и свернула в столовую. Мусс выпила, считай, на ходу, даже не присела. Наверное, именно поэтому обратила внимание на небольшую группу атрионов с «Аграна», которые заняли один из уголков и что-то обсуждали, неспешно завтракая. Сомни-

тельно, что они все еще обмениваются с нами информацией, ведь совместное развлекательное представление обычно завершает встречу домов и взаимодействие семей на этом прекращается. То есть в их визите есть иной смысл?

Заинтригованная, поспешила к родителям. Они точно в курсе! А когда вошла, поняла, что рассказывать о вчерашнем свидании вряд ли придется: Ми-Лар стопроцентно это уже сделал, потому что именно он сидел в одном из кресел. Кстати, его отец тоже присутствовал. И мой брат. И даже дядя Ош-Кар, который вообще редко вмешивался в семейные проблемы, будучи занят управлением работой майнеров.

– Что за... консилиум? – вспомнила я земное слово, которым мама называла вот такие сборища. – Зачем я понадобилась?

– Присядь, Рия, – мягко попросил папа. Обменялся взглядом с мамой, подождал, пока я выполню его просьбу, и продолжил: – У гайда Ол-Чеса ДиеВала есть предложение, ответ на которое я не могу дать, не услышав твоего мнения.

– Какое именно? – спросила я.

Ведь если бы Ми-Лар захотел сменить семью, ему бы для этого даже разрешение главы своего дома не понадобилось. Достаточно личного разговора с моим отцом. А тут такие переговоры на высшем уровне... Явно затевается что-то иное.

– И у нашей семьи, и у вашей много наработок, опыта и полезной информации. Все это трудно передать в полном

объеме за короткое время, а наши дома слишком большие и не могут долго находиться рядом. Обмен получается незавершенный и неполноценный. Меня как гайда это не может не огорчать. Я долго размышлял над проблемой, а вчера мне пришла в голову идея. Ведь можно не прерывать взаимодействие даже на расстоянии. Несколько молодых атрионов моей семьи с энтузиазмом отнеслись к идее продолжить обучение на «Дизаре». Это не стандартный вариант смены семьи, они будут жить лишь временно, хотя если возникнет желание остаться, то смогут это сделать. И я бесконечно благодарен гайду Ис-Лашу ВерДеру за то, что он пошел мне навстречу и поддержал инициативу.

Ол-Чес, вне всяких сомнений, говорил искренне, и его заинтересованность в происходящем была очевидна. Вот только опять же – какова истинная причина?

– Идея любопытная, но при чем тут я? – Подозрения у меня появились, но я предпочла сделать вид, что не понимаю.

– Возможно, ты тоже захочешь на время сменить дом и пожить на «Агране», – наконец перестал ходить вокруг да около ДиеВал. – Насколько я знаю, смена партнеров в дуэте для певицы очень важна, потому что позволяет отработать до идеала качество исполнения. У вас только один мужчина-певец. У нас же их двое.

– Вы предлагаете это потому, что Ми-Лар не хочет менять семью? – деликатничать я не стала.

Судя по реакции папы, он мою прямолинейность оценил

положительно. Мама тоже осталась довольна, даже наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. А вот Ол-Чес определенно забеспокоился и бросил вопросительный взгляд на сына.

– Я останусь на «Агрране» или поселюсь на «Дизаре» в зависимости от твоего решения, Рия-Ла, – не раздумывая поставил меня в известность Ми-Лар.

Ясно. Кавалер прилип как этот... «банный лист». Понятия не имею, что это такое, но мама так всегда ругается, если от чего-то не может избавиться.

– В каком качестве поселишься? – вкрадчиво уточнила.

Если он тоже станет «специалистом по обмену», то ни о каких отношениях между нами и речи не пойдет. Одно то, что мужчина не решается сменить семью и оставляет себе лазейку к отступлению – явное свидетельство имеющихся у него сомнений. А если они есть, то есть сильных чувств нет, значит, совершенно незачем тратить время на бесполезные попытки сблизиться. Тем более что девушка на это не настроена.

– В качестве майнера «Дизара», – вновь продемонстрировал серьезность намерений Ми-Лар. – Гайд Ош-Кар сказал, что я смогу работать диспетчером.

Подтверждая его слова, дядя, стоящий у перекрытого полупрозрачной органической пленкой проема, ведущего в лабораторию, кивнул, однако комментировать ничего не стал. Видимо, чтобы на меня не давить.

Получается, в перспективе Ми-Лар будет со мной ря-

дом, потому что станет членом семьи. А если он попросится на вахту моего уровня, то будет и за моей комнатой присматривать?! Да, возможно, мои трансформации его отпугнут, но ведь после этого он не сможет вернуться на «Агран» – обратно его уже не примут. Разве что будет искать себе новый дом или создавать свою собственную семью, что довольно проблематично. В любом случае я еще долго буду с ним сталкиваться. Возможно, всю оставшуюся жизнь! А с учетом того, как он относится к землянам...

Нет уж! Лучше принять предложение его отца, раз тот придумал такой занятный и необременительный вариант общения без дальнейших обязательств. За время моей «практики» потенциальный жених убедится, что мы не пара, а я после этого спокойно вернусь на «Дизар».

– Как видишь, Рия, все зависит только от твоего мнения, – спокойно напомнил папа. Однако подсказывать, какое именно решение устроило бы его лично, не стал.

– Если Ми-Лар останется в вашей семье, ты лишишься возможности приобрести новый опыт. Я полагаю, что вам обоим незачем так торопиться, – предпринял еще одну попытку меня убедить ДиеВал.

Он определенно не хотел, чтобы сын уходил, и, вне всяких сомнений, надеялся, что я влюблюсь и привыкну к дому. Тогда в семье «Аграна» собственная певица появится.

Что на этот счет думал Ми-Лар, я так и не разобралась. Нас в кабинете было много, эмоции смешивались, рождая

странную смесь ожидания, надежд, интереса и тревоги. Понять, какие из них принадлежали настойчивому майнеру, было нереально, а его взгляд мне ни о чем не говорил. Но даже зная его мнение, я ведь все равно поступила бы по-своему.

– Вы правы. Пока у нас нет уверенности в счастливом совместном будущем, не стоит принимать решений, кардинально меняющих нашу принадлежность к семьям. Мне новый способ совершенствования навыков нравится, я с удовольствием им воспользуюсь.

– Вы получили ответ, гайд Ол-Чес, – вежливо подвел итог папа. – Можете возвращаться на «Агран». Рия прибудет сразу, как только соберется.

– Пожалуйста, не задерживайся, Рия-Ла. Пилотам с каждой минутой все сложнее удерживать дома рядом, потому что субстрат истощен, – попросил гайд, обращаясь ко мне.

А когда он и его сын наконец исчезли в проеме, мама рассмеялась. Она все это время старательно сдерживалась – у меня было достаточно опыта, чтобы правильно интерпретировать мимику и жесты. И я видела веселые искорки в зеленых глазах, которые она прятала, опуская взгляд, и то, как уголки губ неуклонно ползли в стороны, а затем, явно с усилием воли, возвращались обратно. Теперь же мама открыто хохотала, вытирая слезы, выступившие на глазах, и широко улыбалась, показывая зубы.

Отсмеявшись, она поманила меня к себе, а когда я пере-

села, обняла и, поцеловав в лоб, похвалила:

– Ты умничка, дочурка! Лаш, я же говорила тебе, что она именно так поступит! А ты сомневался.

– Я не сомневался. – Папа привычно спокойно поправил ее с нежностью в голосе. – Я говорил, что, если Рия предпочтет иной вариант, нам придется придумывать что-то иное.

– Могли бы меня предупредить, – не понимая, что они имеют в виду, все же высказалась я.

– Не успели, – вместо родителей ответил дядя, который наконец-то перестал подпирать стену и тоже сел в кресло. – Ты спала, когда Ми-Лар и Ол-Чес к нам обратились. А времени у нас действительно мало, чтобы можно было просить их подождать.

– А почему «придумывать иное»? Что вы затеяли? – продолжила я любопытствовать.

– Помнишь добавку в муссе? – Мама на мгновение меня отстранила, чтобы заглянуть в глаза, и вновь притянула к себе. – Я сделала анализ, и оказалось, что это то самое психотропное вещество, которое применяли террианки, когда напали на Атрион. Помнишь, я тебе рассказывала?

Конечно помню, такое забыть сложно. Это же самая жуткая страница истории нашей планеты.

– Но ведь оно опасно! – ахнула я. – А ты так спокойна...

– Концентрация в муссе микроскопическая, – пояснила мама. – Такая ни зависимости не вызовет, ни волю не подавит. Возможен лишь легкий успокаивающий и расслабляю-

щий эффект. Ноя-Ти именно о нем упоминала.

– Зачем они вообще его добавляют? Какая в этом есть необходимость?

– На «Агрane», как и у нас, много атрионов, спасенных из плена. – Папа практически слово в слово повторил то, что сказал мне Ми-Лар. – Все они во время пребывания на Терре получали высокие дозы психотропа, и это привело к формированию зависимости. Мы нашли способ ее нейтрализовать: создали антидот еще в период военных действий. Без него война была бы проиграна. А на «Агрane», по всей видимости, пошли другим путем: просто медленно снижали дозы. Наверняка изначально таким муссом питались только бывшие пленные, а потом...

– Потом Юз-Тер предложил, а Ол-Чес решил, что добавку можно использовать как релаксирующую. В принципе он прав. – Мама неожиданно поддержала позицию ДиеВала. – Напряженность в семье такой мусс снизит весьма эффективно.

– Понятно, – кивнула я, но тут же спохватилась: – То есть все равно непонятно. Как это связано с моим решением пожить на «Агрane»?

– Хотелось бы понять, откуда у них психотроп в таких количествах, – пояснил папа. – Его нельзя копировать привычными способами. По крайней мере, у нас не получилось – органические технологии не позволяют этого сделать. Можно было бы предположить, что вещество поставляют или с

Терры, или с Земли, но ведь Ол-Чес выступает против любых контактов с Конфедерацией и к людям относится настороженно. Это странно.

– Но у меня же нет нужных навыков, да и предназначение другое, – растерялась я. – Я не сумею...

– Тебе и не нужно ничего делать, радость моя. Просто живи своей жизнью. Совершенствуйся в пении, встречайся с кавалером, раз уж он так тобой увлечен, развлекайся. Одного твоего присутствия на «Агрane» будет достаточно.

Говорила мама уверенно, однако моего скепсиса это не уменьшило. Еще и брат внес свою лепту:

– Может, я все же пойду с Рией?

– Ал, если бы ты был гайдом, я бы без раздумий отправил тебя с сестрой. Но ты майнер, у тебя другие задачи. Да и Рия уже совершеннолетняя и вовсе не нуждается в надзоре. Верно, дочка?

А вот это правильно. У меня своя жизнь, у брата – своя. Пусть лучше с девушкой отношения налаживает, а то у Ала ситуация, как у меня, только с точностью до наоборот – она в него влюблена, а он с ней никак сблизиться не может.

Что касается расследования, то оно меня совсем не привлекает. Я же не гайд, чтобы увлекаться тайнами, загадками, научными изысканиями и дипломатией. Я – экзот! Личность творческая и далекая от интриг. Не знаю, что родители планируют и что в итоге получают, но это их дело, пусть они его и организывают.

– На всякий случай поставим защиту от психотропа, даже большие дозы станут для тебя безопасны. Я этим пользовался, когда с твоей мамой летел на Терру, – продолжил папа, протягивая мне маленькие шарики из светло-серой органической массы. – Воспринимать эмоции они не мешают, а страховкой будут отличной. Вряд ли Ол-Чес решится на что-то нехорошее, но рисковать я не хочу.

– А почему в нос? – не поняла я логики.

– Психотроп не равномерно распределяется в муссе, он остается на поверхности и испаряется. Вы его вдыхаете до того, как выпиваете напиток.

Слушая мамины объяснения, я задвинула материал глубоко в ноздри. На несколько секунд все же потеряла привычные ощущения, словно все вокруг стало неживое, чужое, и даже паника появилась вместе с желанием немедленно избавиться от помехи. Однако длился дискомфорт недолго. Я вздохнула с облегчением, когда вновь ощутила заботливое внимание отца, спокойную заинтересованность дяди и тревожное недовольство брата. Лишь от мамы я ничего не чувствовала, что, впрочем, совершенно нормально – люди эмоциями не фонят.

Пришлось развернуться в кольце рук, которые по-прежнему обнимали меня за плечи, и заглянуть в зеленые глаза. Ласковые, но без той чрезмерной заботы, что я замечала у других. Тетя Дая, например, с Ноей иначе себя вела и до сих пор опекает, хоть кузина и взрослая совсем. А моя мама,

сколько я себя помню, всегда была чуточку отстраненной. Чуткой, доброй, понимающей, но сдержанной в проявлении чувств. Возможно, мне это только казалось из-за того, что я не в полной мере могла их «читать», а возможно, она просто не умела их демонстрировать, ведь у нее самой матери не было. То есть была, конечно, но умерла рано. И у мамы только отец остался, а он, судя по тому, что я о нем узнала, был человеком суровым и родительские чувства мог запросто принести в жертву обязательствам и обстоятельствам. Впрочем, почему «мог»? Он именно так и сделал, когда прекратил общаться с дочерью, которая, вместо того чтобы остаться гражданкой Конфедерации, вышла замуж за представителя другой расы и отказалась от работы. В общем, из-за моего дедушки мама даже на Землю опасается возвращаться.

– Кстати, а как я вернусь?

Размышления даром не прошли, подтолкнув к вопросу, особенно актуальному в моем случае. Ведь дома разойдутся, и с каждым днем расстояние между ними будет увеличиваться. Визуальная связь станет невозможной, опознавательные гравитационные волны тоже имеют ограниченный радиус распространения. Шанс, что мигрирующие в поисках субстрата дома снова окажутся в одной точке гигантского материка, ничтожно мал. Боты хороши, только если дом остается неподвижным, потому что они запоминают его местоположение, а если он движется, то маленький кораблик его уже не найдет. Да, по счастливой случайности может и обнару-

жить, если времени прошло немного и расстояние невелико, но с той же вероятностью потеряется и даже погибнет, ведь его ресурсы жизнеобеспечения не так уж велики. И случаи, когда другие дома подбирают «потеряшек» и спасают пилотов, принимая в семью, нередки. Даже на «Дизаре» таких майнеров двое.

В общем, перспектива остаться на «Агрane» навсегда реальной некуда. Разве что родители и этот момент продумали.

– Договор с Ол-Чесом подразумевает встречу на орбите через год. Этого времени хватит и его атрионам, чтобы закончить стажировку, и тебе, чтобы определиться с отношением к Ми-Лару.

– Я и без того знаю, как к нему отношусь, – недовольная напоминанием о кавалере, сердито буркнула я, выбираясь из маминых рук.

– Конечно, знаешь, – согласился папа и тут же все испортил: – Но твое мнение может измениться.

– На всякий случай, – вмешалась в наш разговор родительница, – чтобы ты чувствовала себя уверенней, возьмишь колечко связи. Как им пользоваться, помнишь?

Колечко? Ух ты! От радостного изумления я даже о своем раздражении забыла. Это же земная вещица! У мамы их не так уж много. Некоторыми она очень дорожила, поэтому прятала. Некоторыми позволяла играть, показывая, что с их помощью можно делать. Колечки были из таких, доступных. Правда, после того как я одно ухитрилась потерять, и они

превратились в запретные.

Я на маму за это не обижалась, сама виновата, нужно было быть внимательнее и аккуратнее. Теперь же с ликованием и предвкушением надела на палец тонкий желтый ободок. Полюбовалась, сокрушенно вздохнула и провела ногтем по насечке-маркеру, превращая металл в прозрачный, а потому совсем незаметный. А жаль. Ведь такое красивое украшение. То есть приспособление!

«Надеюсь, на этот раз не потеряешь». Мне казалось, что мама именно это скажет, однако я ошиблась. Она промолчала. Лишь внимательно проследила за моими действиями. А дальше, поскольку новых инструкций не последовало, мне осталось лишь со всеми попрощаться, подводя черту под спокойствием своей прежней жизни и готовясь к более сложной, динамичной, которая предстоит. Точно как в музыке!

Глава 2

Нестандартная увертюра

За тактовой чертой всегда есть продолжение,
И новые аккорды без устали звучат,
Рождаются, меняются – их гонит вдохновение,
Душа летит вперед, ей нет пути назад!

*(Из стихотворного сборника Ле-Вана, поэта-экзота семьи
«Аграна»)*

Ми-Лар, как и вчера, ждал меня у выхода, разве что бота сегодня не было – до «Аграна» не так уж далеко.

Несколько минут мы шли пешком по сыпучему, рыхлому песку, в котором увязали ноги. Впрочем, ведь не просто так строители вырастили в тренажерном зале «Дизара» «топкую лестницу», после нее путешествия по любой поверхности кажутся легкой прогулкой. Надо будет узнать, есть ли подобное изобретение на «Агрane» или там экзоты-тренеры придумали иной способ физической подготовки? В любом случае что-то точно имеется – Ми-Лар шагает без каких-либо видимых усилий. Тренированный.

Прежде чем пробраться между складками приоткрытого шлюза, я оглянулась, бросая последний взгляд на «Дизар». Нет, я не прощалась, была уверена, что вернусь, просто лю-

бопытно: мне никогда не доводилось видеть дом со стороны в момент начала миграции.

Зрелище оказалось завораживающе грандиозным! Если гигант «Агран» все еще смиренно лежал брюхом на окончательно побелевшем, истощенном субстрате, то исполин «Дизар» уже менялся. Он вытаскивал из глубин шумно осыпающегося песка ноги-корни, сплетал их в прочные опоры, а обретя поддержку, поднимался над равниной. Огромные перламутрово-синие паруса трепетали, в них путался и гудел налетающий порывами ветер. Распускаясь и разворачиваясь к восходящему Аш-Хори, они отражали его лучи и отбрасывали голубоватые блики на желтый песок.

Обычно дома путешествуют ночью. Когда света нет, они ищут места, богатые органикой. Но такие гиганты, как «Дизар», способные накапливать огромные запасы пищи внутри себя, не так сильно зависят от времени суток. Их биоритмы контролируют майнеры. С учетом потребностей дома, разумеется.

Пробравшись внутрь, я с интересом осмотрелась и... И не увидела ничего необычного. Насыщенные цвета – серый, зеленый, коричневый, а кое-где ярко-красный, – лежащие на всех поверхностях сложными переливами. Мягкие, сглаженные линии, никаких острых углов. Приятный рассеянный свет, более интенсивный лишь в местах, где требуется высокий уровень освещенности.

А вот эмоциональный фон иной. Совсем не тот ласковый,

умиротворяющий, который характерен для моего родного дома. На «Агроне» он тревожный, некомфортный. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что это проблема вовсе не чужого жилища, а моего восприятия.

За свою короткую жизнь мне не раз доводилось посещать другие дома: лет сто назад я побывала в гостях у папиных родителей – с «Вираном» мы встретились на орбите, а после совершеннолетия обменивалась опытом с теми экзотами, чьи дома оказывались на пути «Дизара». И везде сразу возникало желание вернуться обратно.

В общем, нужна адаптация. И Ми-Лар это тоже понимает, потому как предупредил, едва я коснулась желтого спирального опознавательного датчика, за которым определенно находилось никем не занятое помещение:

– Если будет трудно или возникнут проблемы, код для быстрой связи со мной – ноль-двенадцать.

– А ты не диспетчер этого уровня? – все же не удержалась я от вопроса.

– Нет, – отрицательно качнул головой майнер. – Я пилот. Иногда строитель. Контроль за тем, как функционирует внутреннее пространство дома, меня мало привлекает.

Вот и замечательно. Хотя странно, как в таком случае он согласился быть диспетчером на «Дизаре»? Или же ради того, чтобы быть рядом со мной, и не имея права выбора, смирился с тем, что предложил мой дядя?

Уже шагнув в темноту моей будущей комнаты, я вспомни-

ла о необходимости обменяться льером и обернулась. Растерянность Ми-Лара, который стоял молча и ни словом не напомнил мне об этом (ведь теперь я была в гостях и к его настойчивости могла отнестись негативно), тут же сменилась воодушевлением. Он определенно обрадовался. И даже когда проем закрылся, а я осталась в одиночестве, это ощущение не исчезло. Значит, оно искреннее, не внушенное. И это тоже хорошо. Я подсознательно опасалась, что он заставляет себя думать обо мне, оттого и возникает симпатия, а на самом деле мужчина чувствует иное. И я пойму, каково его реальное отношение, лишь когда попаду на «Агран» и у меня уже не будет возможности ничего изменить и вернуться домой. Правда, способности скрывать истинные чувства обычно только экзоты-театралы имеют, но мало ли...

Мысли быстро сменили направление, когда я осознала, что до сих пор нахожусь во тьме. Флуоресцентное свечение кожи ее слегка разгоняло, позволяя видеть смутные силуэты наростов на полу, однако мне хотелось большей четкости. А для этого... Для этого нужен вызывной код диспетчера. В коридоре я его забыла посмотреть, у Ми-Лара не спросила, остается только в самой комнате искать. Надеюсь, как и на «Дизаре», он где-то зафиксирован.

Я обернулась, присматриваясь к поверхности двери, сместилась влево, отыскивая символы. Вправо...

– Четыре-шесть, свет, пожалуйста! – попросила, наконец все же обнаружив спасительную надпись.

Полюбовавшись на то, как белеет потолок, наливаясь яркостью, я огляделась, отмечая, что и в этом помещении в принципе нет ничего необычного. Цвет стен стальной, вспучивания стандартные, гигиенические складки тоже. Разве что бассейн для сна не прямоугольный, а овальный, и релаксирующий гель в нем мутно-серый, а не голубой. Впрочем, последнее от выделений самого дома зависит, а «Агран», судя по окраске его покрытия, производит преимущественно черные пигменты.

Однако жить в таком унылом по цветовому решению месте мне будет неудобно. Я люблю яркие краски и свою комнату на «Дизаре» специально раскрашивала. Значит, и здесь придется этим заняться. Но не прямо сейчас. Сначала обустроюсь.

Через минуту я уже сидела в широком, больше похожем на диванчик кресле и гладила ладонью упругий материал, послушно принявший устраивающую меня форму. Местный диспетчер чутко реагировал на запросы, а тело «Аграна» с легкостью трансформировалось, в итоге удалось практически один в один повторить дизайн моей комнаты на «Дизаре».

Стол в центре; вокруг него и у стен кресла с сиденьями разной высоты и ширины; две стойки: одна – для синтеза пластин, другая – для их хранения. А еще зеркало, утопленное в нишу и способное выдвигаться по необходимости. Сейчас оно отражало меня в нормальном облике, и я очень наде-

ялась, что мой организм не решит продемонстрировать атрионам «Аграна» земной. Разумеется, я по собственной инициативе меняться не буду, а если это произойдет спонтанно, то, по идее, диспетчер обязан сохранить увиденное в секрете, но риск все равно остается.

Пересев за стол, я вытащила из складочки на стойке темную, практически черную пластину и приложила ее к записывающему сегменту.

– Четыре-шесть, мне план дома нужен, – уточнила, что именно хочу получить.

На темной поверхности тут же проступили линии. Сначала бледные, едва заметные, постепенно они совсем побелели, образовав схему. Подождав еще немного, чтобы дать время впитаться пигментам, я сняла пластину со стойки и принялась изучать.

Поняв основной принцип распределения помещений, быстро разобралась в планировке – она ведь основывается на физиологии дома, и, например, двигательный отсек всегда будет находиться рядом с системой переработки питательного субстрата, потому что только маленькие дома вынуждены избавляться от отходов своей жизнедеятельности, а большие используют их как топливо для полетов в атмосфере.

Моя комната располагалась в самом начале жилого сектора на четвертом высотном уровне. Столовая и все подсобные помещения фидеров находились на третьем, зона экзотов – на втором, а с первым и пятым уровнями работали майнеры.

Решив в первую очередь осмотреть развлекательную зону, я именно туда и направилась. Потребности питаться я еще не испытывала, а посмотреть на то, как организована на «Агроне» работа экзотов, было интересно. Уже на выходе задумалась, нужно ли позвать Ми-Лара, но все же решила побродить в одиночестве. Это я спала, а он в это время вместе с отцом вел переговоры с моими родителями. Наверняка теперь отдыхает. То есть наши фазы бодрствования не совпадают. В крайнем случае я всегда могу его позвать.

Второй уровень оказался любопытным. Не таким масштабным, как аналогичная зона на «Дизаре», но, как и в моем доме, здесь привлекали внимание эффектные цветовые решения покрытий – определенно чувствовалась рука художника, а не спонтанные добавки пигментов во время роста стен. Концертный зал, в который я заглянула, был совсем небольшим, рассчитанным примерно на пятьдесят зрителей. Сейчас он пустовал, занята лишь сцена, на которой репетировали три девушки-танцовщицы. Мешать я не стала, тактично вышла, не дожидаясь, когда меня заметят. Пройдя еще немного вперед по коридору, обнаружила три комнаты, предназначенные для физподготовки. Кинув быстрый взгляд на занимающихся там атрионов, даже пожалела, что не переоделась и осталась в платье. Если хочу сегодня опробовать новые способы тренировки, придется возвращаться к себе, а потом обратно.

Секундное колебание решилось в пользу «завтра». Вре-

мени у меня много!

– Рия-Ла? – окликнул мужской голос, едва я двинулась дальше.

Приветствие удивило. Во-первых, я мало с кем знакома, а тембр не принадлежал ни гайду Ол-Чесу, ни Ми-Лару. Сильный, глубокий... Во-вторых, он звучал очень странно, словно двоился. Будто меня не один атрион позвал, а сразу двое. О, точно!

Я обернулась, пристально рассматривая приближающихся ко мне мужчин.

Определенно, они уже в преклонном возрасте. Оба одного роста, телосложения, с волосами оттенка выбеленного песка и светло-бежевыми глазами, на фоне которых расширяющиеся вертикальные зрачки видны даже на расстоянии. Чертами лица не различаются, вместо коротких брюк носят одинаковые сиреневые брючные комбинезоны. И фонит от близнецов предвкушением с легким налетом неуверенности.

– Да, я Рия-Ла, – подтвердила, едва они остановились рядом.

– Красивый голос.

– Красивая девушка.

Снова голоса зазвучали в унисон, и от этого комплименты развеселили меня куда больше, чем смутили. А атрионы на этом не остановились.

– Ир-Шас.

– Эт-Шас.

- Какое приятное знакомство.
- Насколько неожиданная встреча.
- Мы будем твоей поддержкой!
- Ты будешь нашим вдохновением!

Последние фразы они уже не говорили, а пели, синхронно настолько, что я, не выдержав, засмеялась.

– У вас прекрасный дуэт! – восхитилась, присматриваясь к довольным произведенным эффектом мужчинам. – А откуда вы знаете обо мне?

- Гайд сообщил о госте с «Дизара»...
- Диспетчер предупредил, что ты идешь сюда...
- ...и мы решили не ждать официального представления.
- ...значит, тебе не терпится с нами познакомиться.

Они снова говорили, то есть пели, одновременно. Вот только по мере того, как фразы становились длиннее, мое веселье уменьшалось, а ощущение какой-то неправильности усиливалось. То, что у них не речь, а вокал, видимо, следствие профессиональной привычки. Возможно, желание похвастаться своими способностями. Но почему они не уступают друг другу? Это из-за того, что они близнецы и всегда работают в паре?

- Сделаем все, чтобы тебе понравилось...
- Покажем место для репетиций...
- ...и ты захотела остаться.
- ...там очень хорошая акустика.

Не прислушиваясь к изменениям моего настроения, бра-

тъя продолжали говорить, однако мой мозг зацепился за уже сказанное. «Захотела остаться»... Значит, у Ол-Чеса расчет именно на то, что я войду в эту семью, а не просто получу опыт. Мои новые партнеры доброжелательно настроены, но увлечены собой настолько, что просто не прислушаются к моему мнению, даже если я начну его высказывать. Впрочем, это не мешает мне задавать вопросы, отвечают они охотно.

Делать это приходилось, выбирая моменты, когда близнецы, ставшие моими экскурсоводами, брали вдох. Зато и информации я получила достаточно, и более полное впечатление о корабле.

Выяснилось, что мои новые знакомые, как и мама Ми-Лара, которая оказалась их младшей сестрой, – бывшие пленники террианок. Дом, в котором они родились и жили до нападения, был небольшой, а семья совсем маленькой – всего десять атрионов. На мой вопрос о том, что происходило на Терре, братья ответили коротко: «Не стоит вспоминать». О первых годах жизни в новом доме тоже умолчали, зато о том, как разрастался «Агран», как они влюбились и нашли себе жен, как родились дети, как вышла замуж сестра и появился племянник, напевали много и охотно. А еще я узнала: где находятся их комнаты, как часто на «Агрane» принято посещать столовую, куда мне стоит сходить обязательно, а в какие места лучше не соваться.

Последнее – вовсе не потому, что там таятся какие-то

секреты. Просто экзоты важны для семьи, а не для самого дома. И если всех майнеров и фидеров он воспринимает как симбиотические формы, то экзотов и гайдов – как паразитические. Потому и уничтожить может, если те по неосторожности забудут о своей уязвимости. Разумеется, диспетчеры внимательно следят и подавляют негативные реакции дома, но некоторые участки его тела даже они не в состоянии контролировать. Зону размножения, например. Она у всех половозрелых домов «чувствительная и бесконтрольная», остальные различаются. Другой вопрос, что на «Дизаре» таких мест раз, два – и обчелся, а вот на «Агране» их на-а-амного больше. К счастью, диспетчер моей комнаты это все же учел: вернувшись к себе и еще раз изучив план, я сообразила – опасные секторы на нем закрашены серым цветом. Да и вход туда, несомненно, потребует дополнительного допуска. Но ведь всегда могут возникнуть исключения и сбои, так что нужно быть осторожнее.

Кстати, столовая располагалась рядом с одной из таких проблемных зон – в ней фидеры перерабатывают в мусс сырую основу, которую выделяет дом. Как шепотом пропели близнецы: туда даже майнеры не рискуют заходить и предпочитают управлять дистанционно. В общем, «Агран» оказался не самым миролюбивым, а я так и не разобралась – это его личная особенность или он по какой-то причине просто развился не совсем правильно. С другой стороны, во всем остальном он ничем не отличался от «Дизара». И если бы

не иной доминирующий цвет на стенах, можно было бы даже забыть, что я не в своем доме.

Стены... С ними на самом деле надо что-то делать. Я, конечно, атрионка терпеливая и неприхотливая, но хочется просыпаться и видеть то, что поднимает настроение, а не наоборот!

– Четыре-шесть, мне краски нужны и строитель. Завтра будут свободные? – поинтересовалась прежде, чем забралась в релаксирующий гель.

Ответ получила не сразу. Несколько минут рассматривала медленно гаснущий белый потолок и ждала, пока наконец диспетчер не сообщил:

– Для выполнения заказа требуется согласование вашего режима бодрствования с расписанием работы майнера. Длительность сна уменьшится до шести часов. Заявку подтверждаете?

– Подтверждаю, – вздохнула, но отказываться не стала. Лучше не выспаться, чем отложить задуманное!

Однако «утром» я уже так не считала. И причина не только в том, что глаза упорно желали закрыться, а взгляд то и дело возвращался к гелю, из которого я с таким трудом выбралась, но и в том, кто именно вошел в комнату, когда я привела себя в порядок.

– Рия-Ла, – воодушевленно поприветствовал Ми-Лар. – Я рад, что ты меня позвала.

– Куда позвала?

Наверное, недосыпание плохо сказалось на моих умственных способностях, потому что я не сразу поняла, что он имеет в виду. И непонимающе смотрела на мужчину, в руках которого был огромный сверток... красок?!

Ну правильно. Он же строитель. И фазы наши не совпали... М-да, опрометчиво я вчера решение приняла. Потропилась.

– Ты передумала рисовать? – заметно расстроился майнер. – Почему тогда не сообщила?

Отличный вопрос. Как бы я это сделала, если все это время спала?

– Нет. – Я решительно встряхнула головой. Тяжелые прядки хлестко ударили по щекам, приводя меня в чувство.

Ворчливый настрой никуда не делся, зато хотя бы вернулось прагматичное восприятие. Раз уж я все равно встала ни свет ни заря, пусть этот подвиг будет не напрасным и оправдается нужным результатом! А Ми-Лар... Так, собственно, какая разница, кто именно будет растить стену? Любопытно другое: если он знает только о том, что я хочу видеть его у себя, значит, диспетчер не просто проверил, кто будет свободен, и выбрал наиболее удобную кандидатуру, как это обычно делается, а спросил у гайда. И тот уже решал, кого ко мне направить. Определенно, Ол-Чес делает все, чтобы его сын и окружение произвели на меня неизгладимое впечатление. И вот ведь что интересно – у него это получается! Правда, в большей степени в негативном смыс-

ле, нежели в том, в каком он планировал.

– А почему так много красок? – удивилась, когда, успокоенный моим ответом, Ми-Лар высыпал гору маленьких контейнеров на стол. Пробежала по ним глазами, обнаружила два идентичных и изумилась еще сильнее: – И одинаковые зачем?

– Моя мама просила... Она ведь художник... То есть спрашивала. Не позволишь ли ты ей тебе помочь? – осторожно уточнил Ми-Лар, сбитый с толку моим настроением.

Вот это да... Она хочет, чтобы мы работали втроем?

«Вокальное трио, возможно, не самый удачный способ приобрести опыт сольных выступлений, зато для отработки силы звука и переходов из регистра в регистр не найти ничего лучше тембровых контрастов. Впрочем, это касается и других специализаций. В любой профессии есть навыки, которые отшлифовать в одиночку не получится никогда».

(Из личного дневника Риш-Ла ВерДер)

Зеленый пигмент впитывался медленно, и я нервничала, опасаясь, что другие, уже окрашенные места потеряют чувствительность и нанести контурный пигмент я не успею. А еще – что потеряю время и новый молодой слой так и останется невзрачного серого цвета. Однако, словно реагируя на мои опасения, скорость деления клеток снизилась, а процесс нарастания практически остановился.

Я бросила короткий взгляд на сидящего в кресле Ми-Ла-

ра, волосы которого привычно слились с серой мягкой поверхностью спинки. Глаза у майнера были открыты, и он внимательно следил как за моими действиями, так и за тем, что творила на соседней стене вторая художница. Не только следил, но и помогал, управляя расплзающейся по стене органикой.

Пользуясь маленькой передышкой, я перебрала контейнеры, приготовив те, что могли потребоваться в следующую фазу роста. Сообразив, что очень скоро мой рисунок и творение соседки соединятся, спохватилась. Надо палитру выравнивать, чтобы не было бьющего в глаза цветового контраста! Что у нее сейчас в доминанте? Синий, фиолетовый, желтый. Тогда я их тоже добавлю.

Невольно залюбовалась тонкими переходами тонов и четкими границами, которые прорабатывала профессиональная художница. Мой стиль был иной. Свободно, легкими мазками я наносила краску на поверхность тонкого, нарастающего снизу вверх слоя на стене. И лишь затем обводила контуром то, что получилось.

Да, примитивно, грубовато, но я не планировала создавать произведения искусства, да и не получилось бы – не та специализация. Мне было достаточно простых художественных форм, не требующих глубокой проработки и микроскопических доз окрашивающих пигментов.

В итоге мои совершенно абстрактные линии сплелись с великолепно прорисованными лицами. Мужчина и жен-

щина, которые то ли готовятся обменяться льером, то ли как раз завершили процесс, разорвав соединение губ. И даже то, что кожа мужчины имела совершенно непривычный фиолетовый оттенок, а женскому лицу определенно не хватало зеленого пигмента, потому что остался лишь сине-голубой, лишь добавляло пикантности и интриговало. А еще волновало, будоражило воображение, заставляло сердце стучать чаще, а дыхание – сбиваться. Я ведь взрослая атрионка, но подобного обмена еще ни с кем не практиковала, так что мой организм недвусмысленно намекал, что пора бы уже над этим серьезно задуматься.

– Изумительно. Очень необычное смешение стилей, – высказался Ми-Лар, едва мы отступили от стены.

Майнер поднялся, и его волосы потянулись следом, нехотя разрывая контакт. Подошел ближе, присматриваясь к женским губам, потом перевел взгляд на мои.

– Похожи, – не замедлил сообщить то, что я упорно старалась не замечать. Как и того, чьи черты угадывались в лице мужчины.

– Ты же знаешь, мне сложно писать по памяти, – тут же нашла оправдание художница. – И если есть возможность использовать реальные модели, я всегда это делаю. К тому же у вас обоих необычайно красивые черты. Трудно было удержаться.

– Такая картина не для комнаты, – вздохнула я, понимая, что все же сделала ошибку, когда приняла помощь. – Ею вся

семья должна любоваться, а не один жилец.

– Вот еще! – легко отмахнулась от моих доводов атрионка. – Во-первых, я и в зоне развлечений немало нарисовала. Во-вторых, видела бы ты кабинет гайда и наши комнаты... – Она многозначительно не договорила, позволяя мне самой проявить инициативу и напроситься в гости.

Яси-Ду, именно так звали маму Ми-Лара, оказалась женщиной спокойной и рассудительной. Она с порога, едва зашла в мою комнату, ухитрилась создать приятную атмосферу и расположить к себе. Поздоровалась, поинтересовалась, как я себя чувствую, спросила, не скучаю ли по дому. У меня даже опасений не возникло по поводу того, что она может нарисовать.

– Обязательно найду время посмотреть, если вы не будете против, но не сейчас, – уклонилась я от немедленного посещения чужого жилья. И объяснила: – Есть очень хочется. И мне скоро на репетицию идти.

– Ми, ты не позаботился о том, чтобы Рия позавтракала? – укоризненно посмотрела на сына родительница.

– Как бы я это сделал, если с вами работал? – буркнул Ми-Лар, но очень уж тихо. Видимо, не привык с ней спорить.

– Но помнить о потребностях своей девушки обязан! – строго отчитала его Яси, в голосе которой прибавилось не только уверенности и напора, но и жесткости.

Я же лишь рот приоткрыла от удивления. Когда это моя персона успела попасть в категорию «его девушки»?

– Не переживай, Рия-Ла, – провожая меня в столовую, атрионка продолжала высказывать свою точку зрения. – Он исправится. Вы же пока не любите друг друга, а только начинаете выстраивать отношения. К тому же у Ми был только один серьезный опыт, остальные свидания не имели продолжений. И этот опыт, честно тебе признаюсь, произвел на меня не самое благоприятное впечатление. Девушка была из другого дома, с которым встретился «Агран», сыну она очень понравилась. И он уже готов был нас оставить, чтобы перейти в ее семью, когда выяснилось, что она влюблена в другого. Представляешь? Пошла на свидание и согласилась на последующие, а у самой были совершенно иные увлечения!

Возмущение в голосе Яси было запредельным. Она даже стакан из фиксатора на стойке выдернула весьма раздраженно и резко, едва не расплескав мусс. И на сиденье практически упала, закрывая глаза и судорожно глотая.

Я тоже присела, правда, куда более аккуратно. И напиток приняла из рук Ми-Лара, который опустился на сиденье напротив. Он все это время молча следовал за нами и, определенно испытывая тревогу, посматривал на родительницу с опаской. Она же несколько минут сидела, уже неторопливо допивая напиток и глубоко втягивая носом воздух. И лишь когда стакан опустел, открыла глаза, поставила стакан на стойку и вздохнула.

– Прости, Рия-Ла, я не должна была говорить о прошлом. Все эти воспоминания выбивают меня из колеи, я са-

ма не своя становлюсь, – неожиданно мягко извинилась.

Яси-Ду снова стала такой, какой вошла в мою комнату. От раздражения не осталось и следа, появились деликатность и тактичность, которые привлекли меня изначально, а напористость и категоричность исчезли.

Поначалу я растерялась, не понимая, что произошло, а потом меня осенило – это из-за добавки в муссе она успокоилась! Ведь та именно такое действие оказывает!

– Это из-за плена, да? – тихо спросила, когда Яси, пожелав хорошего дня, ушла и оставила нас одних.

Ми-Лар оторвал глаза от бледно-зеленого напитка, который гипнотизировал взглядом, посмотрел на меня, помолчал. Кивнул молча, нехотя, словно сомневаясь в том, что мне нужно это знать.

– Не переживай, я пойму. Не надо скрывать, – принялась я его убеждать. – На «Дизаре» ведь тоже есть бывшие пленные.

– Наверное, у них нет таких проблем с психикой, – вздохнул атрион.

– Насколько я знаю, были. Папа рассказывал, как сложно они адаптировались к дому после спасения. Правда, я лично ничего такого не замечала, но ведь и времени уже прошло немало...

Спохватилась, замолчала. Время-то прошло одинаковое! Ведь несколько домов-кораблей вместе забрали с Терры всех освобожденных из плена. Почему же на «Дизаре» у бывших пленников проблем нет, а на «Агране» они никуда не де-

лись?

Впрочем, ответ я, кажется, знаю. Гайд Ол-Чес выбрал неэффективный способ избавления от зависимости. Вместо того чтобы лишить пленных ставшего для них привычным «успокоительного» и помочь справиться с той лавиной эмоций, которая за этим неизбежно следовала, просто продолжил им его давать. Вот и получается, что, как только эффект психотропа угасает, эмоции начинают зашкаливать и требуется новая порция, чтобы их погасить. А Ми-Лар переживает, понимая, что своими словами и действиями может спровоцировать у матери нервный срыв.

Мне даже стало его жаль. Как и всех тех, кто невольно оказался в такой жуткой зависимости от коварного вещества. Ведь это только в малых дозах оно просто успокоительный эффект дает, а в больших – полностью подавляет волю. Мне папа в ярких красках описывал все то, что ему довелось увидеть на Терре, когда он изображал из себя такого же пленного, как остальные, и несколько дней провел в резервации. Там атрионов «готовили» к жизни в домах террианок и на плантациях.

«Вялые, апатичные, не желающие ничего для себя. Равнодушные ко всему, что их окружает. Способные лишь подчиняться и послушные любому приказу, который получают. Они могли часами сидеть, бездумно глядя в одну точку, когда от них ничего не требовалось делать, или, предоставленные сами себе, ходили, натываясь друг на друга, словно сле-

пые. Им было все равно, есть ли кто-то на пути. Если же террианки что-то приказывали, то исполнялось это без пререканий и возражений...»

Разумеется, на «Агроне» психотроп используется не для этого. Здесь он не средство подчинения. Но все же применяется, и от этого проблем ничуть не меньше.

– Почему так? Почему твой отец не стал действовать иначе?

Не сдержалась. Все же сорвался с губ обличающий вопрос, а в моем настрое Ми-Лар определенно почувствовал неприятие. И причину, наверное, понял, потому что переспрашивать не стал, лишь приопустил веки, словно ему было стыдно смотреть мне в глаза.

– Как иначе, Рия? – спросил едва слышно. – Что мы можем об этом знать, если нас в то время еще и в помине не было? И вообще, – от него разлилась осязаемая волна недоумения, – в чем ты обвиняешь моего отца?

Я опешила. Он понял меня иначе? То есть вообще не понял и не знает о психотропе?

– Не обвиняю, а пытаюсь разобраться. – Теперь я осторожно подбирала правильные слова, чтобы это выяснить. – Если проблема осталась, значит, выбранный путь реабилитации – неэффективный. Ты спрашивал у отца, как именно фидеры их лечили?

– Зачем? – совершенно искренне удивился Ми-Лар. – Я же не гайд. Вникать в суть вопроса – не моя задача. Кста-

ти, никто из экзотов тоже этого не делает. И решений гайда не критикует.

Намек прямым текстом. Ясно. Это я сумасшедшая – наверняка от мамы получила неумное любопытство, не характерное для моего предназначения. А Ми-Лар хоть и заботится о состоянии матери, волнуется за нее, но видит только то, что на поверхности, а в суть вникать не хочет. И, в общем-то, это нормально. Каждый атрион должен выполнять в доме свою функцию в рамках полученного от природы предназначения. А оно формирует определенный склад ума и характер. По всему выходит, что мой кавалер на самом деле не в курсе, что добавляется в пищу.

Машинально отпив из стакана, я подержала на языке приятную кисло-сладкую массу. По вкусу она мало чем отличается от той, что готовят фидеры на «Дизаре». Возможно, в этой даже психотропа нет, ведь Ноя говорила, что успокоительная добавка – не постоянный ингредиент. Хотя, с другой стороны, кто мешает гайду отдать приказ добавлять эту пакость именно мне? Раз он хочет, чтобы я стала покладистой и больше позволяла в личном плане его сыну, значит, может намекнуть фидерам, занятым приготовлением мусса для посетителей столовой, что и с дозой можно слегка... переборщить. Ведь готовая питательная масса и добавки перемешиваются непосредственно перед подачей в самом стакане. А мои вкусовые предпочтения диспетчер столовой выяснил еще вчера, в первое посещение. Какое счастье, что ро-

дители позаботились о защите и мне не нужно об этом переживать!

Моя угрюмость от Ми-Лара не укрылась. Однако он опять же принял ее на свой счет. И даже пересел ближе, чтобы отдать мне льер, хотя я и без того прекрасно воспринимала ненаигранность его слов.

– Я не хотел тебя обидеть, Рия-Ла, просто напомнил, что нам с тобой вовсе не обязательно ломать голову над тем, о чем должны думать другие, – принялся мягко убеждать. – У нас другие задачи в семье. Я обязан помогать дому выживать, а ты – дарить радость атрионам.

– Вот, где пропала...

– ...наша молодежь, укрылась так...

– ...что днем с огнем...

– ...их не найдешь! – на этот раз не столько синхронно, сколько перехватывая инициативу друг у друга, но от этого не менее неожиданно пропели над нашими головами мужские голоса.

– Дядя Ир, дядя Эт, – поприветствовал их мой спутник, – мы завтракаем. Рия рано встала, но поесть не успела. Вы хотите забрать ее с собой?

– Мы очень ждем, когда же наконец красавица-певица... – в ответ лирично вывел Ир-Шас.

– ...решит, что может к нам присоединиться! – закончил Эт-Шас.

– Могу прямо сейчас. – Вернув стакан на стойку, я реши-

тельно встала.

– Подожди, Рия-Ла, – остановил меня Ми-Лар, поднявшись следом и поймав за запястье.

Близнецы понимающе переглянулись, хмыкнули, но промолчали и неторопливо направились к выходу.

– У тебя когда репетиция закончится? – Атрион осторожно погладил подушечки моих пальцев, хотя лъера на них уже не было.

– Не знаю, мы ведь первый раз будем заниматься. – Я убрала руку, сделав вид, что мне нужно поправить волосы, и посмотрела вслед неторопливо бредущим близнецам.

– Ясно. – Кавалер, проследив за моим движением и взглядом, задумался. – Тогда, когда освободишься, вызови меня, пожалуйста, я хотел...

– Отвезти меня еще на одно свидание? – предположила я.

– Нет, просто вместе принять световую ванну. Ты не против?

Вообще-то против. Однако Ми-Лар на «Агроне» – единственный, на кого я могу рассчитывать. Приближать его к себе не стоит, но и отталкивать тоже. Сомнительно, что за год я успею с кем-то еще наладить отношения. Время быстро пролетит, а круг знакомых у меня ограниченный. И расширить его будет проблематично, если судить по тому, с какой педантичной ответственностью братья отнеслись к тому, что у них появилась ученица. Да, уже вполне самостоятельная в певческом смысле, но...

– Ведь нет предела совершенству, Рия-Ла, – ожидая, пока Ир-Шас даст указания появившемуся в комнате для репетиций инструменталисту, поучал меня Эт-Шас.

С этим я согласна. К тому же ведь моя главная цель пребывания на «Агрane» – именно совершенствование. Вот я этим и занимаюсь с полной отдачей, забывая о том, кто ждет меня за стенами небольшой, но вполне удобной для занятий комнаты, раскрашенной приятными пастельными переливами розовых, сиреневых и голубых оттенков. Потолок, не несущий световой функции, потому как куполообразный, поднимается высоко вверх, и именно туда, в недра дома, уносятся наши голоса.

Не знаю, нравится ли это «Аграну», но «Дизар» чаще всего реагировал позитивно. Я не раз замечала, что именно после удачных репетиций Ноя ахала, рассказывая, как много домик произвел сырой массы для мусса. Конечно, могли влиять и другие факторы – наличие субстрата, его качество, световой режим – никто не пытался отыскать взаимосвязь, но у меня все равно складывалось ощущение, что некоторые типы звуковых вибраций ему приятны.

В любом случае я покинула зал удовлетворенная. Братья-близнецы тоже остались довольны и даже хотели устроить мне вторую экскурсию по дому, но я отказалась, вспомнив про обещание, данное Ми-Лару. Настаивать они не стали, ушли. Я же дождалась, пока мужчины исчезнут, и негромко позвала, найдя глазами код диспетчера:

– Два-четыре, мне бы связь с ноль-двенадцать.

– Рия-Ла? – практически сразу отозвался знакомый голос. – Никуда не уходи, я сейчас.

Действительно, пришел он быстро. Я даже картину, нарисованную в паре шагов от выхода, изучить не успела – в конце коридора уже появилась фигура в темно-синем облегченном комбинезоне: до колен и совсем без верха.

– Как вы долго, – пожурил Ми-Лар, оказавшись рядом.

Впрочем, вовсе не недовольно, а... как бы правильно сказать... профилактически, что ли. Удовлетворения в его голосе было больше, чем укора. Потому и я ответила беспечно, не особенно задумываясь:

– Увлечлись. У нас получилось отличное трио.

– Это замечательно, что тебе у нас хорошо. – Ми-Лар тут же этим воспользовался, чтобы намекнуть мне на возможность остаться на «Агрane». – Идем?

Выход наружу был обустроен не так, как на «Дизаре». Здесь мягкие складки первого уровня, куда мы вышли, поднявшись по наклонному коридору, перекрывали еще один короткий ход, заканчивающийся плотной замыкающей складкой, ведущей на спину дома.

Скользнув мимо преграды, которую услужливо придержал Ми-Лар, я с невероятным наслаждением вдохнула влажный теплый воздух, лишенный напряженной эмоциональности, пропитывающей «Агран». Зажмурилась, подставляя лицо лучам огромного, медленно спускающегося к горизонту

Аш-Хори.

– Я знаю, ты больше любишь жесткое излучение, думал, мы все же выберемся сюда пораньше...

Ми-Лар снова извинялся, хотя на этот раз вина была моей – это я не подумала, что мы упустим подходящее время.

– Ничего страшного, – постаралась интонациями убедить его, что вполне довольна тем, что есть. – В другой раз примем жесткое. А мягкое мне тоже нравится. Просто побудем здесь чуть дольше, ладно?

Подход себя оправдал – атрион вздохнул с облегчением. Повел меня к краю, ограниченному защитным выростом шкурки дома – невысоким бортиком, рядом с которым находились не столь мягкие, как внутри, но все же вполне пригодные в качестве опоры вспучивания. Некоторые были заняты, но большая часть оставалась свободной, и я без проблем выбрала себе удобное местечко.

А вот убрать с рук и тела прилипшую ткань оказалось сложнее. Все же выделения «Аграна» были для меня чужими, я ведь к нему еще не адаптировалась. Поэтому одежда хоть и сидела на мне идеально, но стягивалась с трудом. К счастью, у Ми-Лара хватило такта не предлагать мне помощь, хотя если бы я попросила, он бы наверняка не отказался снять с меня платье. Смотрел-то ведь весьма недвусмысленно! Ему самому ничего снимать не пришлось, заранее подготовился, зато я взяла себе на заметку: в те дни, когда планируется выход на поверхность, просить диспетчера

комнаты настраивать модуль на одежду без рукавов. С такой все же будет легче.

Наконец справившись с непростой задачей, я откинулась на упругий вырост, лицом к Аш-Хори. Чувствуя, как кожа нагревается, впитывая свет, я наслаждалась приятной процедурой. Однако и времени даром не теряла, осторожно подталкивая Ми-Лара к откровенности, благо утром его мама дала мне для этого достаточно информации. Правда, нового узнать почти не удалось. Девушка действительно Ми-Лару нравилась, вот только уходить из дома он не хотел, уговаривал ее остаться с ним. В итоге она все же отказалась и вышла замуж за кого-то из своей семьи. Дома еще недалеко разошлись, и сообщение об этом событии майнеры «Аграна» получить успели.

– Ты в нее не влюбился, – констатировала я, точно зная, что будь иначе, он бы сейчас здесь не находился. – Ты, наверное, вообще никогда не влюблялся по-настоящему.

– Верно, – не стал отпираться майнер. – Но отец говорит, что любовь не всегда приходит сразу. Иногда она проявляется постепенно. У них с мамой так было. Они оба испытывали друг к другу лишь симпатию и только через пятнадцать лет поженились.

Ну да, показательно. Мои родители едва ли больше года знакомы были, а мама уже ребенка ждала. И замуж она адизой выходила. Впрочем, меня сейчас интересовала не личная жизнь гайда Ол-Чеса. Иное.

– Ми-Лар, но если ты меня не любишь, то почему же был готов остаться на «Дизаре»?

– Ты сложные вопросы задаешь, Рия-Ла, – вздохнул атрион.

– Простых у меня нет, извини, – не удержалась я от колкости. – И если ты будешь что-то от меня скрывать, у нас точно ничего не получится в плане личных отношений.

– Хорошо. – Ми-Лар приподнялся на локте, осмотрелся, убеждаясь, что рядом с нами никого нет, и, приглушив голос, признался: – Я бы остался с тобой в любом случае, потому что отец сказал, что если я за столько лет так и не нашел себе пару, то стану полным идиотом, упустив шанс жениться на...

– Дочери гайда другого дома, – фыркнула я.

– Нет, – помотал головой атрион, окатив меня возмущенной волной. – На прекрасной девушке и изумительной певице.

– Ми-Лар! – донесся до нас звонкий голос, обладатель которого выскочил из-за опустившегося вниз паруса.

Молодой темноволосый атрион в салатовом комбинезоне бросил на меня заинтересованный взгляд и тут же объяснил причину своего появления:

– Ми-Лар, тебя в рубку вызывают. Срочно.

Посыльный уже скрылся с глаз, а мой кавалер все еще растерянно смотрел туда, где он стоял. Наконец, поднимаясь, нерешительно спросил:

– Ты со мной? Я провожу тебя до жилого сектора.

– Нет, не волнуйся, доберусь сама, – успокоила я его. – Иди.

Оставшись одна, еще долго нежилась под теряющими силу закатными лучами, пока не поняла, что на спине дома, кроме меня, никого нет. С трудом, но натянув платье обратно на грудь и плечи, я прошла вдоль бортика, рассматривая бескрайнюю равнину, покрытую темно-желтым песком, по которой неспешно двигался «Агран». Движение это было почти неощутимо – все же дом очень большой, лишь смещение каменистых гряд на горизонте указывало на то, что мы находимся отнюдь не в покое. А если учесть, что путь наш лежит в сторону, противоположную той, куда направился «Дизар», я уже очень и очень далеко от родителей.

Нерешительно погладив пальцы, я нащупала тонкий ободок невидимого колечка. Помедлила, но все же провела ногтем по насечке, активируя прибор.

«Однажды в разговоре с дочкой речь зашла о земной музыке. Вернее, о том, что она бывает не только живой, но и записанной на специальных носителях. Я думала, малышка заинтересуется технической стороной вопроса. Увы. Рио куда больше заинтриговал неведомый «дирижер», ведь у атрионов-экзотов нет такой должности».

– И что это за специализация? – желая получить ответ, надела на меня любопытствующая дочурка.

– Дирижер... – Я решила, что лучшей аналогией будет прямое сравнение. – Дирижер для земного

оркестра – это примерно то же самое, что гайд для семьи. Только управляет он музыкантами.

– Если как гайд, – уважительно отозвалась девчушка, – значит, хорошо управляет.

– Не всегда. – Вспомнив бытующие на Земле анекдоты на эту тему, я не удержалась от смешка.

– Например? – Рия тут же принялась меня тормозить, добиваясь ответа.

– Например... – Я задумалась, вспоминая. – Директор театра присутствует на прослушивании новой оперы. Солистка поет арию в сопровождении оркестра. Директор спрашивает дирижера: «Что это за мелодия?» «Какая? – в ярости вопрошает дирижер. – Та, которую играет оркестр, или та, которую поет мадам?!»

(Из мемуаров Таис ВерДер-Саталь)

В ожидании соединения я невольно задумалась о Ми-Ларе. Вернее, о незапланированном исчезновении моего кавалера. Зачем его позвали? На рабочую смену не похоже – он майнер ответственный и вряд ли бы ее пропустил даже ради встречи со мной. Возможно, отец решил провести с ним беседу? Спихватился, что сыночек сделал что-то неправильно?

Не знаю почему, но гайд «Аграна» сейчас казался мне неудачником-дирижером, у которого все идет не так, как нужно. Вот только земная шутка, переложенная на нашу атрионскую действительность, вовсе не столь безобидна – от некомпетентности гайда страдают все, кто живет в доме. Даже если никто из них об этом не догадывается. Мама в по-

добных случаях говорила: «Было бы весело, кабы не было так грустно».

– Доченька, ты грустишь? Что случилось? Тебе там плохо?

Каким-то образом мама всегда верно угадывала мое настроение – отсутствие мимики на моем лице ей в этом не мешало. И если дома я еще могла списать ее догадливость на умение опознавать наши эмоции, которые она воспринимала как запахи, то сейчас прозорливость появившейся рядом со мной полупрозрачной фигуры была удивительна.

– Ми-Лар излишне навязчив? Жилье неудобное? Учителя не нравятся? – продолжились вопросы. – Хочешь вернуться раньше?

– Нет, мам, не настолько все плохо, – успокоила я ее. – Ми-Лар ведет себя корректно. Певцы хорошие. Комнату я обустроила. С учетом непривычности тут вполне комфортно. Просто немного странно. Не как у нас.

Голограмма качнулась, когда я опустила руку на теплый поручень, придающий бортику дополнительную прочность.

– Что именно странно? Рассказать можешь? – Мама бросила взгляд в сторону, словно хотела убедиться, что я одна, и разочарованно вздохнула, потому что в зоне видимости колечка был только один объект – тот, кто его носил. Окружение оставалось невидимым.

Вот когда я обрадовалась тому, что Ми-Лара нет рядом. И вообще никого нет, кроме открытого воздушного пространства и темнеющего неба, на котором медленно начи-

нают проступать звезды. Я сейчас даже вне зоны присмотра диспетчеров, потому что на спинке домика отсутствуют акустические и оптические рецепторы, а тепловые и механические сообщают лишь о том, что на шкурке кто-то есть. Не более.

То есть рассказать я могу все. Что я и сделала. Правда, бдительно поглядывала на выход, из которого теоретически мог появиться неожиданный свидетель. Проблема ведь не в том, что я с родительницей общаюсь, а в том, *как* я это делаю. Сам способ связи шокирующий. Чужая технология, да еще и неорганическая! Нонсенс! Если Ол-Чес узнает, возмущению не будет предела. Он же так ратует за независимость нашей расы от землян.

– Любопытно...

Выслушав мою исповедь, мама прищурилась и прикусила зубками нижнюю губу. Она определенно о чем-то догадалась, а может, заподозрила, но сообразить, что именно, я не могла. У мамы все же опыт. И информация. И тяга к тайнам. А у меня ничего этого нет.

Впрочем, первого и второго точно нет, а вот насчет последнего я не уверена. Внутри что-то вертелось, свербело, беспокоило и мешало размышлять о другом. Наверное, поэтому я и не выдержала, высказывая догадку:

– Ол-Чес, когда бывшие пленные адаптировались к его дому, использовал психотроп, чтобы снижать нарастающую напряженность? Потому что не мог сплотить семью другими

способами?

– Я тоже так думаю, – призрачная картинка покивала. – Если половина его атрионов находилась либо в депрессии, либо на грани нервного срыва и не могла выполнять своих функций, он вынужденно начал применять психотроп, постепенно снижая дозы. Судя по тому, что ты рассказала, это не помогло – у бывших пленных развилась неспособность контролировать эмоции... Доченька, можно тебя кое о чем попросить?

– Конечно.

– Пройдись как-нибудь в непосредственной близости от опасных зон. Внутрь заглядывать не нужно, просто рядом побудь.

– И что это даст? – Я не поняла логики.

– На реакцию диспетчеров посмотрим.

– Полагаешь, там не опасно? Просто гайд в них что-то прячет и они отмечены, чтобы меня отпугнуть?

– Даже не сомневаюсь.

Мама почему-то улыбнулась, на несколько секунд отвернулась, словно слушая кого-то за спиной, и вновь обернулась ко мне:

– Папа просит тебя быть осторожнее и без необходимости не рисковать. Если видеоголосовая связь будет недоступна, отправляй через передатчик опознавательный сигнал, чтобы мы были уверены, что у тебя все в порядке.

– Обязательно, – пообещала я и, услышав характерное

«чпок!», предупредила: – Отключаюсь, сюда идут.

– Ты все еще здесь? Почему осталась? – Ми-Лар начал задавать вопросы, даже не успев толком вылезти из складки. – Я удивился, когда диспетчер сказал, что тебя нет в твоей комнате.

– Потому что красиво. – Я невозмутимо подняла лицо к небу, уже совсем темному, покрытому россыпью мелких звезд. Развела руки в стороны, словно пытаюсь охватить великолепие космоса, окутывающего планету. – Посмотри!

Во взгляде Ми-Лара, который тот послушно устремил ввысь, читалась изрядная доля сомнения в том, что увидит он что-то сногшибательное, но спорить со мной атрион не стал. Впрочем, восхищаться тоже. Постоял, делая вид, что пытается проникнуться эйфорией, которую я ему обещала, вздохнул, переступил с ноги на ногу...

– Красиво, – на всякий случай подтвердил и тут же позвал: – Идем?

А мне стало весело. Эх, майнеры! Для них звезды – всего лишь удобный и точный способ навигации. Брат мой тоже не понимает и не чувствует той завораживающей силы, что радует глаз, влечет и одновременно страшит, подавляя своей необъятностью. Лишь экзоты способны воспринимать красоту неживой природы и ценить ее так же, как живую. Зато именно она и все, что с ней связано, притягательно для атрионов, независимо от их предназначения!

Наверное, именно эти мысли заставили меня отрицатель-

но качнуть головой в ответ на предложение Ми-Лара, глубоко вдохнуть, и...

Верхние ноты колоратурного сопрано вонзились в ночную тишину, сменились грудным контральто и превратились в нежный перелив, сливаясь с окружающим пространством.

Я пела не для атриона, который стоял рядом, замороженно вслушиваясь в мой голос. И не для себя, хотя очень часто именно это делала, чтобы развлечься. Я пела для неба. Для тех звезд, что мерцали над головой. Для того единственного, кого еще не нашла, но обязательно встречу... А когда замолчала, поняла, что моя шалость обошлась мне дорого. Взгляд Ми-Лара расфокусировался, а в эмоциях я ощутила смесь наслаждения, желания и предвкушения.

Вот что я наделала? Зачем его провоцировала? Мне же иной результат нужен! Я его отдалять должна, а не привязывать к себе.

– Зачем тебя вызывали? – попыталась вернуть атриона к проблемам в реальности и этим отвлечь от моей персоны, ставшей для него необычайно привлекательной.

– Были вопросы по маршруту движения, – расслабленно и весьма охотно поделился информацией Ми-Лар. – Я же ведущий пилот и лучше всех знаю специфику перемещения дома. А еще отец сказал, – взгляд серых глаз по-прежнему не желал отрываться от моего лица, – что я, пока ты у нас в гостях, могу не так строго придерживаться расписания вахт и уделять больше времени тебе. Так что можешь в любой мо-

мент, если меня нет рядом, позвать, когда что-то будет нужно. Я с удовольствием помогу или просто побуду с тобой.

Понятно. Не помогло. Перестаралась. Вернее, сглупила.

Корила я себя долго. И на следующий день, и позже. Чтобы хоть как-то избежать внимания со стороны Ми-Лара, старалась как можно дольше репетировать и, ссылаясь на усталость, побыстрее возвращаться к себе в комнату.

Помогало лишь отчасти. Принимать световые ванны, пищу, даже заниматься в тренажерном зале приходилось в присутствии настойчивого кавалера. В таких условиях выполнить просьбу мамы я не могла при всем желании. Ми-Лар следовал за мной буквально по пятам.

К счастью, впечатления от моего пения в сознании атриона с каждым днем становились все менее четкими. Концертов я больше не давала, а близнецы хоть и посматривали сочувственно на племянника, но в комнату для занятий не пускали. Постепенно владеющая Ми-Ларом восторженность сменилась присущей майнерам практичностью. Он наконец перестал караулить меня в зоне развлечений и на время репетиций стал уходить дежурить в рубку управления.

А я этим воспользовалась. Утром в столовой словно невзначай пожаловалась Яси-Ду, что занятие опять будет долгим. Бросив краткий взгляд на сидящего рядом Ми-Лара, убедилась в его готовности столь же много времени посвятить любимой работе. Для разучивания выбрала музыкальный фрагмент с самой короткой женской партией и куда бо-

лее длительной мужской... В итоге, отпев свое и оставив наставников репетировать, вышла в коридор. Как никогда рано и без привычного сопровождения.

Расположение потенциально опасных мест я уже несколько дней как знала наизусть. Потому не мешкая направилась к ближайшему.

Опуститься на два уровня вниз, свернуть налево, протиснуться между почти сросшимися стенами, пройти еще немного. На ходу, напротив складки, за которой располагался опасный участок, выронить маленькую, тонкую, отливающую синевой пластину-накопитель и, не останавливаясь, шагать дальше, делая вид, что не заметила потери. Через минуту остановиться, поискать в складках одежды такую «нужную» сейчас вещь, спохватиться, ахнуть и пойти обратно. Медленно, внимательно присматриваясь к сине-черному полу, на котором заметить почти прозрачный материал необычайно сложно.

– Посещение не рекомендуется, – предупредил строгий женский голос, едва я практически вплотную подошла к запретной зоне.

– Какое еще посещение?! – возмутилась я, приседая и осматривая покрытие. – Я накопитель потеряла!

Помочь мне диспетчер не могла, и я это прекрасно знала. Так что горестно вздыхала, сетовала на свою невезучесть и продолжала тянуть время в поисках того, что лежало буквально на расстоянии вытянутой руки. Вот только усилия

мои ни к чему не привели. Не знаю, на что рассчитывала мама, но складка так и не раскрылась, никто в нее не попытался войти, никто из нее не вышел, даже мимо не прошел и не поинтересовался, чем же я занята в таком неудобном положении.

Искать дальше возможности не было. Оставалось только победно воскликнуть, триумфально подхватить с пола пластину, прижать находку к себе и с радостной улыбкой вернуться к изначальному маршруту. Обидно.

– Не расстраивайся, – успокоила мама. – Ты все правильно сделала и, поверь мне, этого более чем достаточно. Найди возможность пройти мимо остальных.

– Постараюсь, – вздохнула я. Моих сомнений ее уверенность не развеяла. – Но, по-моему, это бессмысленно.

Родительница лишь загадочно улыбнулась и послала мне воздушный льер. Определенно она что-то недоговаривает! Вот только выяснять это, рискуя в любую секунду быть застигнутой за столь экзотичным способом связи, я не могла.

– Рия-Ла! Ну как же так?! Почему меня не позвала? – расстроился, выскочив на площадку, Ми-Лар. И минуты не прошло, как голограмма растворилась в воздухе!

– Как это «почему»? – Я изумленно воззрилась на недогадливого кавалера, который даже переодеться не успел. Так и прибежал в комбинезоне, совершенно неудобном для световой ванны. – Ми-Лар! Ты *работаешь!* – интонацией выделила последнее слово. – Выполняешь ответственное дело

для семьи. А я не беспомощный ребенок, которому нужна постоянная опека. Ты представь нашу ситуацию наоборот. Я пою на концерте, а тут ты меня вызываешь: «Рия, я освободился с вахты, составишь мне компанию?»

Видимо, в таком ракурсе он происходящее действительно не рассматривал. И все же попытался объяснить:

– Но... Ведь ты гостя... Этот дом для тебя непривычен... Я хотел помочь.

– Помочь?..

Я задумалась. Может, мне, вместо того чтобы таиться и изучать опасные места в одиночку, делать это в открытую с Ми-Ларом?

Посмотрела на спящий в зените Аш-Хори, перевела взгляд на фонащего раскаянием атриона и... решила не рисковать. Чувствующий вину мужчина на самом деле способен на многое, но лучше я придержу такую возможность, наверняка еще понадобится.

– Похвальное стремление, – позволила себе немного его обнадежить, – но давай ты будешь это делать тогда, когда я прошу.

– А ты точно попросишь? – не поверил в мою искренность атрион.

Ну да, говорю же я одно, а чувствую совсем иное.

Прикрыла глаза, вспоминая наставления театрала, у которого, будучи еще совсем маленькой, я несколько дней училась имитировать эмоции, потому что на «Дизаре» учителей

с такой специализацией не было. И пусть мне не понравилось обманывать и вводить в заблуждение, но полезный навык, к которому способен организм любого экзота, я все же развила.

Состояние удовлетворения, овладевшее Ми-Ларом, я почувствовала раньше, чем снова на него посмотрела. Убедила-таки. Наверное, поэтому он спокойно воспринял мое желание уйти в дом. Вернее, переодеться и отправиться в тренажерный зал. И остался принимать световую ванну, не рванув следом. Правда, пообещал, что присоединится позже, но даже это я сочла благоприятным знаком.

Вполне довольная собой, окинула взором спину дома, натянутые паруса, белесую даль пустыни и виднеющуюся по левому «борту» бирюзовую водную гладь, ограниченную совсем невысоким каменным барьером. Вдохнула теплый воздух, насыщенный влажными испарениями озера. И лишь затем пролезла в складку и оказалась в характерной для «Аграна» атмосфере легкой тревожности, к которой, несмотря на проведенное здесь время, так и не смогла привыкнуть.

«Эмоциональный фон в доме формируется довольно просто – из эмоций живущих в нем атрионов. Потому экзоты и должны своими талантами вызывать у них как можно больше позитивных ощущений. Но дом впитывает только реальные эмоции, а не наведенные. Как бы хорошо у тебя ни получалось имитировать

чувства и вводить в заблуждение своих зрителей, дом ты не обманешь. Он уловит и удержит только то, что ты чувствуешь на самом деле».

(Из разъяснений Бо-Шара, экзота-театрала дома «Гиввор»)

Вспомнив об этом, я даже муссом подавилась, который именно в этот момент пила, решив подкрепиться перед тренировкой.

Вот оно! Раз домик улавливает эмоции своих обитателей в чистом виде, а на «Агрane» чувствуется тревожность, значит, добавка-психотроп, как и мнимые эмоции экзотов, дает только поверхностный эффект. Либо она все же срабатывает правильно, но в доме есть другой источник негативных ощущений, с которым приходится иметь дело атрионам.

Последнее предположение подтвердилось на удивление быстро. То ли удача наконец повернулась ко мне лицом, то ли я просто начала замечать то, на что раньше бы внимания не обратила. Перед входом в зал для тренировок беседовали две молоденькие атрионочки и при моем приближении разговора не прекратили, лишь посторонились, пропуская меня. Поэтому я услышала вполне отчетливо:

– Я завтра на «страдании» буду. На тренировку не пойду, так что встретимся в столовой. Закажешь мне двойную порцию мусса?

– Само собой...

Больше, увы, подслушать не удалось, но даже этого было достаточно.

Вот и откуда, спрашивается, эта атрионочка точно знает, что завтра страдать будет? В семье с нормально организованными отношениями эта эмоция вообще не должна появляться! Те же экзоты обязаны все сделать, чтобы подобного не допускать! Значит, где-то в доме есть место, где атрионам плохо, и наверняка это одна из запретных зон. Но самое поразительное, что они ее безропотно посещают! А потом подавляют полученный негатив психотропом. Пусть и в микродозах. Двойных.

И ведь все это происходит с разрешения и под контролем Ол-Чеса! Гайд, несомненно, в курсе всего, что связано с семьей. Ну и какую же цель он себе наметил?

Найти ответ на этот вопрос теперь казалось самым важным. И я, натягивая от стены к груди упругую массу, липнущую к рукам, тщательно продумывала возможные варианты. Как мне попасть в опасную зону? Или узнать, что там творится. Может, познакомиться с одной из подружек, которая совсем рядом со мной накачивает пресс? Это наверняка поможет в плане информации. Если, конечно, девушка захочет раскрывать секреты семьи чужачке. Но ведь попытаться-то можно? Нужно!

Через полчаса, старательно гася разочарование, я смотрела в спину уходящей желтоволосой атрионке. То ли скрытая фидер мне попала, то ли на самом деле запрещено гостю в семейные проблемы посвящать. Девушка заинтересованно общалась со мной, с удовольствием приняла пригла-

шение на концерт, который мы готовили с братьями, охотно рассказывала о своем молодом муже-майнере, о работе на заготовке сырой массы... Но длилось это ровно до тех пор, пока я не спросила, отчего рядом со столовой возникла опасная зона и почему строители не пытаются ее привести в порядок. В общем, источник информации сбежал, сославшись на срочные дела. М-да...

Зато у меня появилась идея, как, не вызывая подозрений, следить за интересующими меня объектами.

– Для развития дыхательной системы вы что используете? Мне очень важно легкие разрабатывать, – обратилась к синеволосому атриону, который следил за посетителями зала. И помогал, разумеется.

Тоскливым взглядом пробежалась по заросшему разнообразными складками помещению, среди которых определенно отсутствовало нужное устройство. А потом лишь отрицательно качала головой и вздыхала, отвергая поступающие от тренера-экзота предложения использовать то, что имелось на «Агроне».

– Это все не то, – категорично заявила в итоге.

– Если расскажешь, что именно тебе нужно, я постараюсь вырастить, – предложил Ми-Лар, который, как и обещал, все же присоединился ко мне на тренировке. – Как он выглядит?

– Ну как... – «опешила» я, беспомощно разводя руками и рисуя в воздухе малопонятные очертания. – Такой вот...

Многоярусный... Он еще высоту меняет.

Теперь уже опешил Ми-Лар. Только он, в отличие от меня, не притворялся. Просто осознал, что выполнить вот такой «заказ» нереально. А я этому обрадовалась отнюдь не наигранно.

– Ладно, не страшно. Я знаю альтернативный способ. Он вообще тренажеров не требует.

Через минуту, оставив за спиной озадаченных атрионов, я в размеренном темпе бежала по коридору. На первый раз решила провокаций не устраивать и позволила себе промчаться мимо лишь одной интересующей меня зоны.

Но ведь это только начало!

Само собой, совершать пробежки по дому стало для меня традиционным ежедневным занятием. Чтобы не вызывать подозрений, маршрут я постоянно меняла, стараясь сделать его непредсказуемым. Типа захотелось налево свернуть, вот туда и повернула. Некоторые опасные зоны удавалось два, а то и три раза осмотреть. Иногда даже останавливалась в зоне видимости, чтобы «перевести дыхание».

Необычная форма тренировки привлекала внимание, однако это было на руку. Атрионы провожали меня любопытными взглядами, переговаривались или же молчали в немом изумлении, но самое главное – они останавливались, чтобы не помешать! Иногда в коридоре, отступая к стенам, а иногда на выходе из помещений, не давая складкам сомкнуться.

Повезло мне не сразу, но все же однажды, когда я почти

сравнялась с проемом запрещенной к посещению комнаты, он начал раскрываться, и в нем появился красноволосый атрион. Мужчина на секунду замер, решая: вернуться обратно или выйти и столкнуться со мной. В итоге сделал шаг назад. Однако до того как створки двери сошлись, я успела увидеть...

Светлое маленькое помещение, заполненное от пола до потолка множеством симметричных складок, которые майнеры выращивают, если нужно в больших количествах складировать маленькие контейнеры. Вот только вместо обычных прозрачно-синих или прозрачно-серых органических упаковок полки заставлены миниатюрными яркими разноцветными баночками.

Баночками?!

Это слово я от мамы слышала. Она ведь мне много рассказывала о неорганических технологиях своей расы. И я точно знала, что домик создавать такие не может. Вот и откуда они на «Агроне»? Но самое любопытное: *что* в них хранится? Или же они пустые?

Первая мысль, которая пришла в голову, – баночки трофейные. Возможно, Ол-Чес решил прихватить их с Терры, когда забирал пленных.

Ага. Вот в таком огромном количестве. А из комнаты и увезенных экспонатов сделал для атрионов напоминание о страшных годах, проведенных в неволе. Чтобы страдали. И не только пожилые, но и молодые тоже. Чушь.

Ну и какие еще варианты?

Варианты... Варианты... Стоп! А почему, собственно говоря, я должна искать логику в чужих поступках? Я не гайд. К тому же у меня мама есть и папа, имеющие соответствующую специализацию. Вот пусть они этим и занимаются. Сегодня уже поздно, но завтра я обязательно с ними свяжусь и все расскажу.

Решив в очередной раз переложить груз забот на родителей, я успокоилась. А зря.

– Четыре-шесть, мне сегодня легкая одежда нужна, – попросила, выбираясь утром из геля.

– Вы световую ванну планируете? – неожиданно услышала вопрос вместо привычного «принято».

– Верно.

Я замерла в недоумении, ожидая, что еще скажет обычно молчаливый диспетчер. И ведь дождалась!

– Выход на поверхность временно невозможен. «Агран» капсулируется.

Э-э... Мой ступор достиг максимума. Нет, я не испугалась, но нехорошее предчувствие все же завладело сознанием. Меня заподозрили? Или точно знают? Или же со мной это вовсе не связано?

Обычно процесс отвердения внешней оболочки запускают в двух случаях: когда начинается песчаная буря или когда дом поднимается в космос. Первое – явление не частое, но очень опасное. Второе – тоже не самое приятное для до-

ма, потому его и пытаются защитить. Но вряд ли такой затратный процесс будут активировать только для того, чтобы удержать не в меру любопытную гостью внутри!

Кстати! Ведь для связи с мамой мне вовсе не нужно выходить на поверхность, можно и из комнаты это сделать. Колечко достаточно мощное, чтобы не замечать преград, для него важно лишь расстояние. Ну а то, что диспетчер увидит голограмму... Вот и проверим заодно, так ли эти субъекты на «Агрane» деликатны, как их расхваливал Ол-Чес, будучи у нас в гостях.

Приняв решение, я едва дождалась окончания гигиенической процедуры и, покинув складку, села за стол. Руки под него спрячу, тогда диспетчер увидит только возникшую над столешницей голограмму. И не поймет, где именно находится прибор. Может, тот вообще не на «Агрane» и это какое-нибудь удаленное соединение!

Вот только активировать колечко у меня никак не получалось. Насечку чувствовала, и ноготь именно по ней скользил, а результат нулевой.

Вывод? Да элементарный! «Дизар» от нас очень далеко. И это «далеко» измеряется отнюдь не радиусом планеты. И даже не длинами, в десятки раз его превышающими. Тут однозначно межзвездные расстояния!

– Что происходит? – решила не ждать, пока вопросы прояснятся сами собой, и отловила Ми-Лара по пути в столовую. Любой пилот должен быть в курсе событий за бортом.

– Ты о герметизации? – сразу догадался он о причинах моего любопытства. – Ничего страшного. Семь – десять дней, и ее снимут.

– Мы летим? Куда? – спросила, сделав еще один логичный вывод: предсказать длительность бури невозможно, а тут такая точность в сроке!

– Рия... Ла. – Майнер так изумился моей настойчивости, что даже про официальное обращение не сразу вспомнил. – Зачем тебе это знать? Планировать перемещения дома – задача гайда. Он лучше понимает и оценивает потребности семьи. Если отец решил, что есть необходимость поднять «Агран» в космос, – значит, так нужно. Ведь никто не проявляет такого любопытства, только ты. Наверное, это из-за человеческих генов.

Он вздохнул так тяжело, словно я не оправдываю его надежд. И вообще веду подрывную деятельность, с явным намерением разрушить сложившиеся семейные устои. Идеальные, с его точки зрения.

– Ты бы лучше на любимом занятии сосредоточилась, – мягко пожурил. – Отец спрашивал, не хочешь ли ты дать сольный концерт? Все же выступление с моими дядями не принесет тебе полноценного удовлетворения. И еще...

Ми-Лар ненавязчиво подхватил мою ладонь, помогая сесте, но руку не отпустил. Невесомо скользя пальцами от запястья до сгиба локтя, продолжил:

– Нам с тобой нужно определиться в отношениях. Моей

маме ты очень понравилась, дяди от тебя в восторге, мнение моего отца ты знаешь. Мне нужно право полноценно ухаживать за тобой, а не просто оказывать мелкие знаки внимания. Ты ведь станешь моей невестой?

О как! Концерт, значит? Замуж, значит? Ну ладно...

Руку отняла, взгляд опустила.

– Как я могу дать согласие, если мы с тобой договаривались, что ты не будешь от меня ничего скрывать? А ты скрываешь! Не хочешь сказать, куда мы летим, хоть и знаешь! – Мое негодование было непритворным, разве что я позволила себе добавить в фон немного обиды. Для усиления эффекта. И даже услужливо поданный мне атрионом мусс, появившийся из раздачи, в сторону отставила, так и не отпив.

– Если дело только в этом... – растерялся Ми-Лар. – Хорошо, скажу. Мы летим на Терру.

Ого... Любопытно, что Ол-Чес там забыл? Решил устроить своим домочадцам психологическую встряску, пробудив таким экзотическим способом новую порцию негативных воспоминаний? Или это как-то связано с баночками?

– Это все? Ты согласна? – Кавалер продолжил настаивать на своем, вновь снимая напиток со стойки и вручая мне.

Но я так просто сдаваться не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.